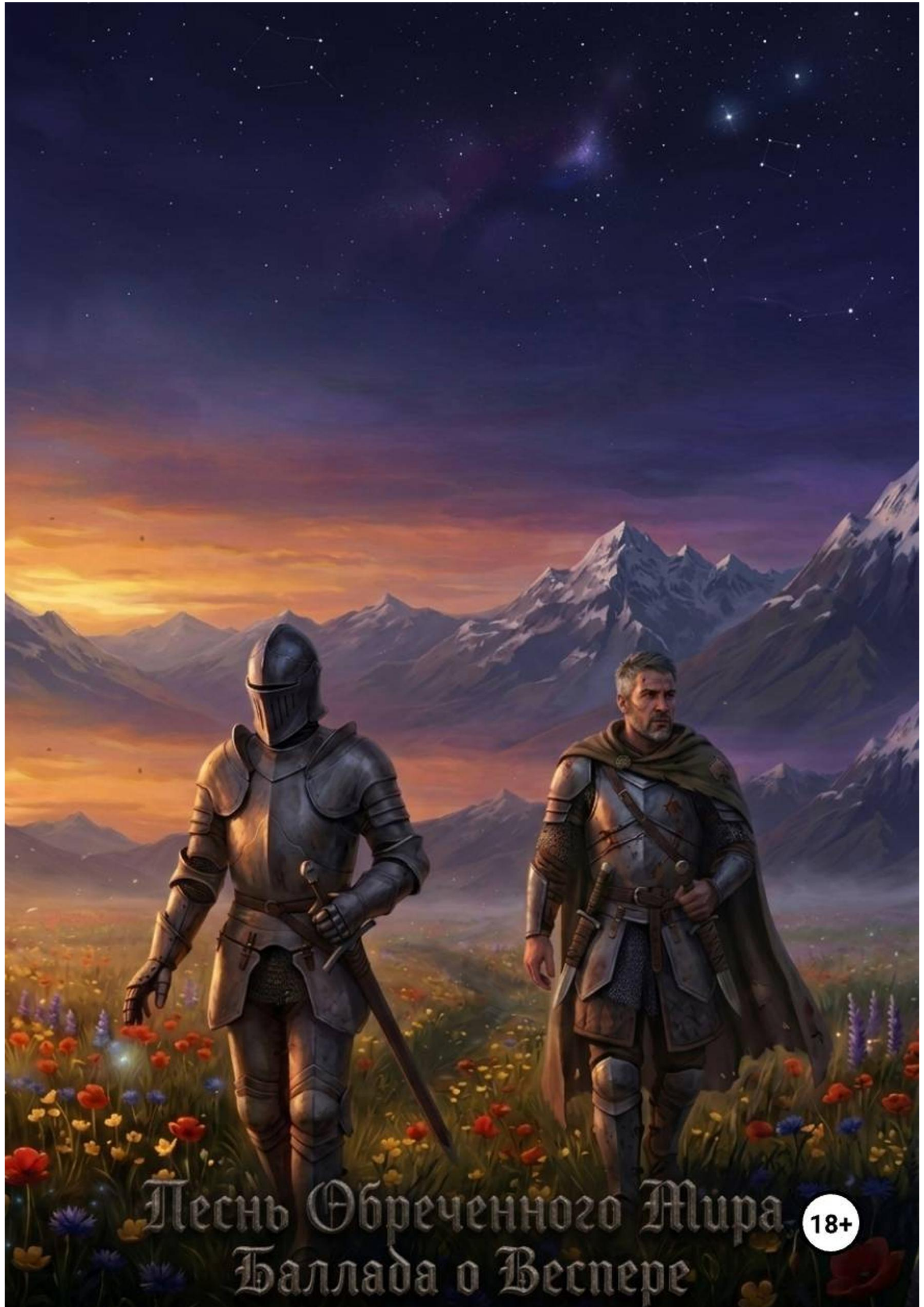

Песнь Обреченного Мира
Баллада о Веспере

18+

Григорий Кудряшов

**Песнь Обреченного
Мира: Баллада о Веспере**

«Автор»

2026

Кудряшов Г. Д.

Песнь Обреченного Мира: Баллада о Веспере / Г. Д. Кудряшов —
«Автор», 2026

Он хотел просто спасти отца. Но когда в твоих руках стальной клинок, а за спиной — пепелище родного дома, судьба расширяет границы возможного. «Баллада о Веспере» — история о том, как личная месть переросла в эпический квест. Вместе с циничным ветераном Грегором герой отправляется собирать легендарную Святую Броню. Их путь лежит через снега Нордленда, земли восставших орков, раздираемые войной эльфийские королевства и подземные города гномов. Забытые боги шепчут в пустоте. Древняя раса догурцев затаила месть. Алхимик бросает вызов короне ради любви к принцессе. А за всем этим стоит нечто, играющее судьбами как пешками. То, что начиналось как надежда одного сына, становится историей, в которую оказываются втянуты армии, магические ордена и сама ткань мироздания. Иногда, чтобы вытащить человека из тьмы, нужно перевернуть целый мир.

© Кудряшов Г. Д., 2026

© Автор, 2026

Григорий Кудряшов

Песнь Обреченного Мира: Баллада о Веспере

Посвящаю эту книгу тому кто сделал неоценимый вклад в развитие мира, Соловьёву Максиму Сергеевичу. А также той без кого всего бы этого не случилось, Виталии Алексеевне.

Давным-давно, в мире необъятном и далёком...

Песнь Обреченного Мира: Баллада о Веспере

Начало — есть конец

Ледяное дыхание гор оглушало. Эти неприветливые пики и тёмные пещеры были домом для самых могучих из смертных существ — великанов. Существ, которые довольно давно похитили одного человека и сломали его жизнь, превратив в оружие. Но сегодня в их обитель ворвался тот, кому удалось невозможное. Тот, кто собрал легендарные слитки и выковал из них Святую Броню, сияющую серебром и золотом. Тот, чей меч теперь рассекал саму реальность, а щит мог остановить любую атаку. И тот, за чьей спиной расправлялись огромные крылья — не драконы, а выкованные из чистого света, но столь же могучие.

Он шёл не один. Рядом с ним был его верный брат по оружию, чьи алые доспехи пожирали свет, а не отражали его.

Вход в главную пещеру был завален глыбой, которую не сдвинула бы и целая армия. Для его меча это не стало помехой. Один взмах — и каменная глыба распалась надвое, открывая путь в царство тьмы и скорби.

Великаны встретили их изумлёнными взглядами, застыв на мгновение при виде сияющего воителя. Этого мгновения хватило. Со взмахом светозарных крыльев он взмыл вверх, и пещера огласилась не криками ярости, а предсмертными хрипами. Он шёл к своей цели — к той самой кузнице в сердце горы, где томился его отец. И на его пути не должно было остаться никого. Ни воинов, ни стариков, ни женщин. Это была не битва. Это был урожай, который пожинал беспощадный палач.

«Ну вот и всё, — зазвучал в сознании его спутника знакомый скрипучий шёпот. — Он почти у цели. О нём будут слагать легенды. Его имя будут прославлять в песнях. А ты? Что останется тебе? Быть тенью при его сиянии?»

«Я не должен так поступать!» — мысленно возразил воин в алых доспехах, сжимая рукоять своего клинка.

«Кончай с этим! Пора использовать знание, что я дал тебе!» — настаивал голос, ищущая его простым решением.

«НЕТ!» — мысленный крик был полон отчаяния и последних сил воли.

Но голос был неумолим. Он прошипел всего два слова, от которых кровь в жилах остановилась. Два слова, что были ключом к абсолютному уничтожению.

«Ро Дроха».

И воля воина дрогнула. Отчаяние, зависть и жажда положить конец этой бойне разом перевесили. Он произнёс их.

Мир содрогнулся. Абсолютный холод, не физический, а метафизический, волной прокатился по пещере. Он не заморозил ничего — он стирал. Великаны, скалы, воздух, звук, свет — всё обратилось в мелкую, звёздную пыль и рассыпалось в небытие. Вместе с ними рассыпался и сияющий воитель в Святой Броне. Его меч, его щит, его крылья — ничто не могло противостоять силе, призванной извне.

Когда тишина обрушилась вновь, в абсолютно пустом, сферическом пространстве, вырезанном в толще горы, стоял лишь один человек. В алых доспехах, с горящими от ужаса и обретенной мощи глазами. Перед ним на идеально гладком полу лежали лишь безжизненные, сияющие доспехи, щит и клинок. Его друг, его брат, цель всего их долгого пути — всё было уничтожено его же рукой.

Он так и не спас того, ради кого прошёл этот путь. Он лишь принёс ему вечный покой. И обрёк себя на одиночество в новом, бесконечно пустом мире, который он для себя создал.

Глава 1: Дом

В провинции Стоунстейт, за холмами, поросшими крепким дубом, там, где река Стоунвилл лениво огибает поросшие вереском берега, приютился Риверстоун. Поселение это было таким же прочным и несгибаемым, как скалы, его окружавшие. Здесь не было ни лишних украшений, ни суеты больших городов. Всё в нём подчинялось простому и ясному порядку: кузница, чей ритмичный перезвон задавал пульс жизни, залитые солнцем поля пшеницы, маленькая, но исправно дающая руду шахта, шумный рынок по средам и субботам и скромное здание управления с выцветшим гербом Стоунстейта над входом.

И, конечно же, здесь был свой маг-целитель, Маремор. Добрая половина деревни побаивалась его старого, увитого плющом дома на отшибе, предпочитая крепкие стены кузницы Магнума или уют трактира «Пьяный кабан» таинственной магии. Страх к магам был обычным делом; люди инстинктивно чуждались того, чего не могли постичь разумом. Большинство магов с пониманием относились к такому недоверию. Но находились и те — самоучки или адепты, ослеплённые жаждой силы, — кто отвергал свою человечность, лишь бы добиться могущества.

Маремор же был воплощением терпения и доброты. Он понимал корни этого страха и всю свою долгую жизнь — а было ему уже семьдесят четыре года — посвятил тому, чтобы доказать односельчанам: магия может служить во благо. На каждый праздник он появлялся на площади с огромным, воздушным тортом, пахнущим ванилью и корицей. Он исцелял лихорадку у детей и нарывы у стариков, даже если те, заламывая руки, шептали о «дьявольских чарах». Несмотря на возраст, его можно было видеть и на сходках, где он давал мудрые советы по севообороту, и на стройке нового амбара, куда он являлся с кружкой холодного чая для рабочих. Маремор был не отшельником, а душой Риверстоуна.

Сердцем же его, без сомнения, была кузница Магнума. Здесь, в густом жару и под аккомпанемент молотов, рождалось всё, что нужно для жизни: прочные подковы для упряжных лошадей, острые серпы для жатвы, гвозди, скреплявшие самую крепкую древесину. Хозяин, Магнум, был лучшим кузнецом в округе — широкоплечим, молчаливым, с руками, вечно покрытыми тонким слоем угольной пыли и взглядом, привыкшим оценивать пространство на предмет угрозы. Этот взгляд, прямой и несуетный, остался у него с другой жизни, о которой в Риверстоуне не ведал никто.

На толстой потолочной балке, черной от вековой копоти, висел старый, покрытый паутиной и забвением щит. Лишь вскользь брошенный луч света мог выхватить из тьмы едва угадываемые очертания — скрещенные кирки, герб Стоунстейта. Это был единственный знак, молчаливый свидетель прошлого, которое Магнум похоронил здесь, у горна.

Времена стояли мирные, и мечи с доспехами пылились в углу, но Магнум держал наготове латный доспех безупречной работы и стальной клинок, отполированный до зеркального блеска. Тот самый клинок, что когда-то висел на поясе королевского стража.

«Мир — дело зыбкое, сынок», — говаривал он, закаляя раскалённую сталь в масле. В этот миг в кузнице воцарялась особая тишина, и Весперу чудился в шипении металла далёкий рокот прибоя и скрип покачивающихся мачт. Отец непроизвольно сжимал клещи, будто чувствуя в ладони не рукоять инструмента, а намокшую от ледяной воды рукоять меча. «Серый Нерест» затонул быстро, но воспоминание о том дне тонуло медленно, год за годом, пока не

достигло дна его души, став немой, тяжёлой основой, на которой он выстроил эту новую, тихую жизнь.

Его сын, Веспер, с детства учился ремеслу, познавая вес молота и тайну закалки стали. Запах раскалённого металла и древесного угля был для него роднее любого другого. Но не только этому. По вечерам, когда кузница пустела, Магнум запирали ворота на тяжёлый засов, и начинался иной урок. Веспер учился стойке, работе ног, силе и точности удара. Эти занятия были безмолвны и суровы, лишены всякой романтики. Это была не подготовка к подвигам, а наука выживания — последнее, что Магнум, бывший телохранитель короля Рогвира, мог передать сыну из мира, который для себя самого он оставил на дне моря, рядом с королём.

По вечерам, когда кузница затихала, в «Пьяном кабане» старики, попивая эль, любили вспоминать старинные легенды. Чаще всего — историю о Древнем Змее, драконе, чьё дыхание испепеляло города, а крылья затмевали солнце. Он был оружием, созданным в незапамятные времена Гильдией магов Созидания. Две могущественные гильдии — Созидания и Разрушения — вели извечную вражду, хоть маги Разрушения и помогали людям по всему острову Родера. Но более, чем друг друга, маги Созидания ненавидели гномов, обвиняя их в том, что те «пожирают недра матери-земли».

В пылу этой ненависти они отыскивали на краю света окаменевшие останки древнего дракона и, призвав запретную некромантию, вдохнули жизнь в бездушные кости. Рождённое ненавистью дитя унаследовало ярость своих прародителей, обратив её на «неверных» — гномий народ. Единственными, кто встал на их защиту, оказалась Гильдия Разрушения. Война была страшной, и гномы выжили, заплатив за это высокую цену.

А иногда, в дни осенних штормов, разговор заходил о делах королевских. Кто-то из бывалых, качая седой головой, вспоминал короля Рогвира — справедливого, но беспечного, что двадцать пять зим назад отправился на северную экспедицию за славою предков и не вернулся. ««Серый Нерест» — корабль был крепок, но море сильнее королевской воли, — вздыхал рассказчик. — Поглотило их штормом ледяным, со всеми стражниками, лучшими из лучших. Молодой Алрих, сын его, на трон взойшёл, а Тайнкор с тех пор будто в тени живёт».

Слушатели кивали, допивая эль. Никто даже бровью не вёл в сторону кузницы на окраине. Для всех Магнум был просто угрюмым мастером, пришедшим в их тихий край вскоре после той великой беды, — молчаливым, как скала, и надёжным, как сталь его изделий. Тайну свою он носил так же, как носил под простой холщовой рубахой старый шрам от морского трапа — невидимый, но не дающий забыть.

С тех пор прошла тысяча лет. Дракона больше не видели, и многие считали, что чудовище наконец пало. Говорили, что в своё последнее появление оно уничтожило великолепную колонию dwarфов в тропических лесах на юге. Легенда стала сказкой, которой пугали непослушных детей. Жизнь текла своим чередом, спокойная и предсказуемая.

Но всё изменилось в один миг. В тот день, когда пришли они.

Глава 2: Орда

Ещё утром Риверстоун был тихим и прочным, как булыжник мостовой. Теперь же он лежал в руинах. Вой орды великанов прозвучал не громче далёкого грома, но этого хватило, чтобы древняя городская стена рухнула под ударами их дубин, словно картонный домик. Затем начался кошмар.

Великаны — не просто высокие люди. Это были ходячие горы из мышц и ярости, закутанные в звериные шкуры. Они не шли, а топтали, не разрушали, а стирали с лица земли. Их потрескавшиеся ступни втапывали в грязь аккуратные грядки, а мозолистые руки с лёгкостью срывали крыши с домов, выуживая оттуда обезумевших от ужаса жителей. Скот хрюкал и мычал, захлёбываясь в собственном страхе, когда великаны хватали овец и коров, наспех скидывая их в гигантские мешки из шкур. То же самое ждало и людей.

Среди них был и Магнум. Кузнец, чьи руки гнули сталь, оказался бессилён против пятерни великана, которая сомкнулась вокруг его торса, как удав. Веспер, спрятавшийся в обломках конюшни, видел, как исчезает вдаль знакомый силуэт отца — не сломленный, но беспомощный. В его глазах, полных ярости и ужаса, Веспер прочёл последний наказ: Живи.

Пять часов Риверстоун был адом на земле. Пять часов длились грабёж и разрушения. А потом, так же внезапно, как и пришли, великаны ушли, унося с собой награбленное добро и пленников. В воздухе повисла оглушительная тишина, нарушаемая лишь треском догорающих балок и приглушёнными рыданиями тех, кому посчастливилось уцелеть.

Город был в шоке. Люди бродили среди обломков своих жизней, не в силах осознать масштаб потери. Они не знали, откуда пришла беда, и потому их единственным инстинктом было зализывать раны — начать восстанавливать дома, подсчитывать убытки, хоронить погибших. Привычка к мирному труду диктовала единственно возможный ответ: вернуться к нормальной жизни.

Но для Веспера нормальной жизни больше не существовало.

Пока другие собирали камни для новой стены, он с одной мыслью пробивался через завалы к своей кузнице. Её крыша была сорвана, горн разрушен, но в потайном ларце под каменной плитой пола уцелело то, что Магнум называл «наследием на чёрный день».

Со скрежетом отодвинув плиту, Веспер извлёк на свет латные доспехи. Сталь, которую он сам помогал ковать, холодная и безжизненная, весила неподъёмной тяжестью — не столько физической, сколько грузом ответственности. Он облачался в наследие отца, в последний дар Магнума. Каждая застёгнутая пряжка, каждая затянутая ременная петля была клятвой. Он приладил к поясу стальной меч — не для войны, а для спасения.

Он не был героем из баллад. Он был сыном кузнеца. Но пока другие отстраивали стены, он видел лишь одно: куда-то в лесную чашу ушёл след, уводящий последнее, что у него осталось.

Не сказав ни слова, Веспер шагнул за пределы того, что когда-то было городской стеной, и исчез в сумерках. Его миссия началась.

Глава 3: Путь

Покинув дымящиеся руины Риверстоуна, Веспер шагнул в объятия леса. Воздух, ещё недавно пропитанный гарью и страхом, здесь был чист, холоден и пах влажной хвоей и прелой листвой. Он шёл, не оглядываясь. Мысленный взор был прикован к единственной цели — к уходящим в чашу чудовищным следам. Следы великанов невозможно было спутать ни с чем: вывороченные с корнем дубы, словно пучки сорной травы; глубокие, вязкие ямы в земле, где отпечатались их мозолистые ступни; сломанные, как спички, стволы сосен. Эта рана на теле земли вела его, и он следовал за ней с фанатичной преданностью солдата, идущего по минному полю. Каждый шаг по этому пути был отречением от прошлой жизни, от мальчика, что когда-то боялся темноты в лесу. Теперь темнота была внутри него, холодная и решительная.

Прощай, дом, — промелькнуло в голове, когда последние силуэты знакомых дубов растворились в серой мгле. Прощайте, поля. Прощай, Маремор с твоими пряниками. Я не для того выжил, чтобы строить новые стены. Я выжил, чтобы снести чужие.

День таял, как свеча. Небеса, вначале свинцовые, потемнели до цвета синяка. В горных расщелинах Стоунстейта, куда он углубился, сумерки наступали стремительно, прокрадываясь по ущельям и оседая холодной росой на его латах. Веспер шёл, механически переставляя ноги, прислушиваясь к каждому шороху. Лес вокруг менялся: корявые сосны и ели уступали место голым, острым скалам, меж которых змеились узкие тропы. Воздух стал разреженным и колючим. Он был на верном пути — великаны жили в горах. Эта мысль горела в нём единственной путеводной звездой.

Но горы — не статичная карта, а живой, коварный организм. Тропа, столь явная у подножия, начала расползаться на десяток едва заметных звериных тропок. То ли он отвлёкся

на минутную дрожь в коленях от усталости, то ли густой, молочный туман, поднявшийся с наступлением ночи, сыграл роль дымовой завесы. Одно было ясно: гигантские следы исчезли. Словно земля сама затянула свои раны, отказавшись вести его дальше.

Сердце Веспера ёкнуло, застучало чаще. Он остановился, снял шлем, чтобы лучше видеть. Кругом высились безликие каменные стены, уходящие в непроглядную тьму. Тишина была абсолютной, звенящей, давящей. В ней не было даже шелеста листьев — здесь ничего не росло.

Заблудился. Идиот. Самый настоящий идиот. Отец бы никогда... Мысль оборвалась, оставив во рту привкус горечи и стыда. Он опустился на холодный камень, положив шлем рядом. Усталость, которую он отгонял яростью и адреналином, накрыла его с головой. Латы, символ силы и защиты, внезапно стали проклятием, ледяными тисками, сжимавшими его тело. Вспомнились слова отца, сказанные у наковальни: «Сталь держит форму, сынок. Но и гнёт она тоже. Важно, что внутри. Пустота сломается. Наполненность — выдержит».

А чем я наполнен? — спросил он себя, уставившись в темноту. Ненавистью? Страхом? Или просто отчаянным, ребяческим желанием, чтобы всё было как прежде? Ответа не было. Была лишь пустота, просторнее и страшнее любого ущелья.

Прождав рассвета в беспокойной дреме, Веспер двинулся наугад, выбирая направление, где скалы казались ниже. Он карабкался вверх, металл скрежетал по камню, пальцы в перчатках искали хоть какую-то опору. После нескольких часов изнурительного подъёма он достиг гребня. И замер.

Перед ним открывался не просто другой склон. Это был другой мир.

Скалистые, угрюмые холмы Стоунстейта резко обрывались, будто гигантский меч рассек земную твердь. А дальше, куда только хватал глаз, простиралась долина невообразимой, почти болезненной красоты. Она была покрыта ковром из цветов. Не просто поле, а море, океан, бескрайний и безумный. Алые маки, лиловые люпины, синие васильки, золотые ромашки — все оттенки, какие только можно вообразить, смешались в ослепительную, колышущуюся на лёгком ветру мозаику. Воздух здесь был тёплым, густым и пьянящим, наполненным медовым ароматом тысяч соцветий. После каменного холода гор этот поток жизни и цвета ошеломил, ударил в голову, как крепкое вино.

Веспер спустился вниз, словно во сне. Его ноги утопали по щиколотку в мягкой, упругой траве. Лепестки цеплялись за заскорузлые от пота и пыли латы. Он шёл, и чувство нереальности не отпускало. Это была ловушка. Должна была быть ловушкой. Такая красота не могла существовать в одном мире с теми, кто стирает с лица земли целые поселения.

Что это за место? — думал он, медленно продвигаясь вперёд. Маремор говорил о землях за горами, о Провидении Цветущих Долин... Но это же сказки для детей у камина. Разве могло такое... сохраниться?

Цветы шелестели, будто перешёптывались о нём. В их аромате не было зла, лишь древнее, равнодушное спокойствие. И в этом спокойствии его собственная ярость начала казаться ему чуждой, мелкой, словно детская истерика на фоне вечности.

Зачем я иду? — впервые за всё время этот вопрос прозвучал в нём не как призыв к бою, а как искреннее, мучительное недоумение. Чтобы отомстить? Убить всех великанов? Я один. Один против ходячих гор. Я даже с тропы сбился. Я — кузнец. Я должен ковать, а не разрушать.

Он вспомнил лицо отца в последний миг. Не ярость, нет. Там была решимость. И печаль. И что-то ещё... принятие. Магнум знал, что его уведут. Но он также знал, что его сын жив. В этом взгляде был не приказ «Отомсти!», а завещание «Живи. Будь умнее».

Но как жить, когда всё отняли? — застонал изнутри тот самый мальчик, потерявший отца и дом. Как быть умнее, когда единственное, что ты умеешь — это бить молотом по раскалённому металлу, пока он не примет нужную форму?

Он шёл по цветочному морю часами. Мысли кружились, как лепестки на ветру: от ярости к отчаянию, от отчаяния к холодному, методичному планированию. Может, нужно было вернуться? Собрать отряд? Но кто пойдёт с ним? Выжившие думают о крышах над головой, а не о походах в неизвестность.

Солнце достигло зенита, и долина заиграла новыми красками. И вот тогда, на фоне этого идиллического безумия, он уловил первый посторонний запах. Сладковатый, приторный, но с гнилостной, животной нотой под ним. Запах немывтого тела, дыма плохой древесины и испражнений. Запах, не имеющий ничего общего с цветами.

Цветочное море начало редеть, уступая место вытоптанной, уродливой земле. На горизонте показались грубые частоколы из заострённых брёвен. И над всем этим — тяжёлый, жирный столб дыма, вставший неподвижной колонной в безветренном воздухе.

Инстинкт, заглушённый на время красотой, проснулся мгновенно. Вesper замер, рука сама легла на рукоять меча. Это было не логово великанов. Но это было место силы, жестокости и рабства. Орков.

Внутренний диалог смолк, вытесненный холодной, отточенной целесообразностью. Все сомнения, вся рефлексия были отброшены, как ненужный балласт. Перед ним была конкретная, осязаемая преграда. И преграды, как учил Магnum, либо огибают, либо ломают.

Он не нашёл великанов. Он нашёл ад на земле. И, возможно, именно через этот ад и лежал его путь.

Не надевая шлем, чтобы лучше видеть периметр, Вesper двинулся вперёд. Его шаг, прежде неуверенный и уставший, снова стал твёрдым. Цветы остались позади, хрупкий сон наяву. Впереди была лишь грубая, страшная реальность, выжженная в земле и в душах. И он вошёл в неё, не скрываясь, прямой и неумолимой походкой человека, которому больше нечего терять, кроме последней, тлеющей искры надежды найти того, кого он любил.

Лагерь орков рос в его поле зрения, как гнойная язва на теле земли. Частокол был не просто заграждением — это были стволы молодых деревьев, содранные с корой и заточенные сверху в кривые, желтые клыки. За ним высились уродливые шатры из невыделанных шкур, растянутые на костях крупных животных. Воздух, ещё несколько шагов назад пьянящий цветочными ароматами, теперь был плотным и тяжёлым. В нём витал букет вони: прогорклый жир, гниющее мясо, человеческие нечистоты, дым от сырых дров и всё тот же звериный, потный запах орков.

Вesper шёл прямо к воротам — грубой сбитой из плах конструкции, которую охранял один-единственный стражник. Он видел фигуру в грязных кожаных доспехах, опиравшуюся на огромную алебарду. Сердце билось ровно и гулко, как молот о наковальню в пустой кузнице. Страх был, но он был далёким, холодным — как страх перед грозой, которая вот-вот разразится. Главенствовало другое: ледяная, сфокусированная ярость. Эта вонь, это место — они были олицетворением всего, что отняло у него отца. Пусть не великаны, а орки. Суть была одна.

Тихо, — приказал он себе. Не смотри на клетки. Смотри только на цель. На врага перед тобой. Один шаг. Ещё шаг.

Орк-стражник заметил его, когда до ворот оставалось два десятка шагов. Тупая, покрытая шрамами и бородавками физиономия исказилась в гримасе удивления, а затем презрительного веселья. Он выпрямился, перехватил алебарду.

— Ты кто такой, жестянка? — его голос был хриплым, как скрип несмазанной телеги. Он презрительно ткнул грязным пальцем в сторону сияющих, несмотря на пыль пути, лат Вesperа. — Шут гороховый, заблудившийся? Или подарок судьбы? Броня-то ладная.

Вesper не замедлил шага. Голос, прозвучавший из-под поднятого забрала, был низким, ровным и лишённым всяких эмоций, кроме абсолютной уверенности.

— Это неважно. Открой ворота. Я прохожу.

Орк закатил желтые глаза и фыркнул, обнажив кривые, почерневшие клыки.

— Ха! Говори, чьих будешь! Чей герб, чей приказ? Или ты думаешь, я каждого бродягу в блестящем мусоре буду к вождю вести? — Его рука потянулась к рукояти кривого меча на поясе. — Не скажешь — голову с плеч сниму, а броню себе возьму. В самый раз будет!

Расстояние сократилось до пяти шагов. Веспер видел каждую пору на жирной коже орка, крошки застрявшей пищи в его бороде, тупую жестокость в маленьких глазках. Время словно замедлилось.

Он широко стоит. Вес на правой ноге. Алебарда в левой руке, меч ещё в ножнах. Первый удар будет горизонтальным, с размаху, чтобы отбросить или сбить с ног. Он уверен. Он не ждёт атаки от одного человека.

— Жаль, — произнёс Веспер, и это было не просто слово. Это был приговор.

Он не побежал. Он рванулся вперёд, коротким, взрывным движением, на которое не рассчитывал орк. Алебарда начала медленное, неуклюжее движение. Этого мгновения хватило. Стальной клинок Веспера, выхваченный с отточенной за годы в кузне быстротой, прочертил в воздухе короткую, роковую дугу. Он не рубил с плеча — он нанёс точный, колющий удар в щель между кожаным нагрудником и подбородком стражника. Удар всей силой ног и корпуса, вложенный в остриё.

Хлюпающий, влажный звук. Алебарда с грохотом упала на землю. Удивление в глазах орка сменилось непониманием, а затем стекленеющей пустотой. Он рухнул как подкошенный, даже не успев издать предсмертный крик.

Но предсмертный хрип, булькающий и короткий, оказался достаточно громким. Или падение алебарды было сигналом. Из-за ближайшего шатра, из тени частокола, высыпали ещё трое. Они были меньше первого, но свирепее, с горящими яростью глазами. Один с топором, двое с зазубренными мечами. Они увидели своего собрата в луже крови и сияющую фигуру убийцы.

Пространство перед воротами было тесным. Развернуться для красивого поединка, как в балладах, не было возможности. Веспер отступил на шаг, прижимаясь спиной к частоколу, чтобы исключить удар в спину. Его мир сузился до трёх фигур, до блеска стали, до рычащих голосов.

Первый орк с топором бросился в лобовую атаку, размахивая оружием над головой. Слишком широкий замах. Медленно. Веспер сделал шаг в сторону, парировал опускающееся лезвие топора ребром своего меча с оглушительным лязгом, и тут же нанёс короткий рубящий удар по руке. Орк взревел от боли, топор выпал из ослабевших пальцев. Но двое других уже были рядом.

Они атаковали одновременно, с двух сторон. Веспер едва успел отбить удар первого меча, почувствовав, как вибрация от удара отдалась болью в запястье. Но второй клинок проскользнул ниже его защиты, ударив с силой в бедренную часть лат. Сталь выдержала, но сила удара заставила его оступиться. В этот момент, потеряв равновесие, он открылся.

Третий орк, тот, что с топором и теперь со окровавленной рукой, был не так глуп. Он не полез в ближний бой. С диким рёвом он разбежался и ударил Веспера не лезвием, а массивной, окованной железом рукоятью своего топора прямо по затылку, поверх шлема.

Звук удара был глухим, как удар молота по тылке. В глазах Веспера вспыхнули ослепительные белые звёзды, а затем мир накренился, поплыл и резко погас, погрузившись в бездонную, беспросветную тьму.

Сознание возвращалось мучительно и долго. Сначала это была только боль — тупая, раскатистая, бьющая в виски волнами. Потом к боли добавились звуки: далёкий грохот, резкие крики на чужом языке, чей-то плач. И запахи. О, Боги, запахи! Теперь они были в тысячу раз сильнее, концентрированные и удушающие — гниль, моча, страх, пот.

Веспер попытался открыть глаза. Ресницы слиплись. Когда ему это удалось, мир предстал перед ним в искажённом ракурсе. Он лежал на боку на грязной, утрамбованной земле. Прямо перед его лицом были толстые, сырые деревянные брусья, покрытые лишайником и какими-то тёмными пятнами. За ними маячили другие такие же брусья. Решётка. Клетка.

С трудом, с каждой мышцей, протестующей от боли, он приподнялся на локте. Голова раскалывалась. Латы с него сняли, оставив в только потную, грязную рубашу и штаны. Меча, конечно, тоже не было.

Клетка была переполнена. Он увидел десятки лиц — бледных, испачканных, с пустыми глазами. Мужчины, женщины, даже пара детей, прижавшихся к матери. Все они были разной расы — люди, пара низкорослых, крепких dwarфов с обритыми в знак позора бородами, даже один эльф, его изысканные черты искажены гримасой страдания и унижения. В глазах у всех читалась одна и та же история: сломленность. Животный, притуплённый ужас сменился здесь апатией обречённого скота.

Веспер почувствовал приступ тошноты. Не от вони. От этого молчаливого отчаяния. Он попытался встать, опереться о стенку клетки. Со звоном, который отозвался в его голове новым ударом боли, натянулась короткая, толстая цепь, прикованная железным ошейником к его шее. Другой её конец был намертво вделан в центральный столб клетки.

Злость, горячая и беспомощная, ударила в него. Он дернул цепь изо всех сил. Железо скрипнуло, но не поддалось. Ещё рывок. И ещё. Кожа на шее запылала под железным ободком.

— Эй, новичок, — раздался хриплый, усталый голос справа. — Не трать силы. Лопнешь как минтай, а они даже не заметят.

Веспер обернулся. В самом углу клетки, в тени, отбрасываемой навесом, сидел человек. Вернее, то, что от него осталось. На нём были потрёпанные, некогда добротные, а теперь покрытые грязью и кровью остатки кольчуги и железной брони. Его лицо скрывала густая, спутанная борода, проседь в которой была заметна даже в полумраке. Но не это бросалось в глаза. Бросались в глаза его руки — большие, сильные, покрытые старыми ожогами и шрамами от ударов, лежащие сейчас на коленях совершенно расслабленно, в полной капитуляции. И его глаза. В них не было ни страха, ни злобы, ни надежды. Там была пустота. Глубокая, бездонная пустота выгоревшего неба после битвы, в которой проиграли всё.

Веспер перевел дух, пытаясь унять боль и ярость.

— Как... как тебя зовут? — выдавил он, голос звучал сипло и непривычно. — Как ты оказался здесь?

Человек медленно, будто с огромным усилием, перевёл на него взгляд. Взгляд скользнул по лицу Веспера, по его крепким кузнечским рукам, задержался на ярости, ещё не угасшей в его глазах. И в тех пустых глазах на миг мелькнуло что-то — не сочувствие, а скорее усталая насмешка над этой юной, глупой энергией.

— Какая тебе, пацан, разница? — голос его был плоским, как поверхность мёртвого озера. — Имя здесь никому не нужно. Ты теперь номер. Как и все. Не забивай голову ерундой. Привыкай. Или сойдёшь с ума быстрее.

— Мы сбежим отсюда, — сказал Веспер, и в его голосе снова зазвучала та самая стальная нота, что была у ворот. Он говорил это не только пленнику, но и самому себе, заклиная свою собственную веру. — Вместе. Со всеми, кто сможет.

Уголки губ незнакомца дёрнулись. Это было подобие улыбки, но в ней не было ни капли тепла или надежды. Это была улыбка скелета.

— Вот и беги. — Он махнул своей сильной, но безвольной рукой. — Но без меня. И без них. — Он кивком обвёл других пленников. — Они уже давно здесь. Они сдались. Они лишь ждут, в чью миску их бросят сегодня. Беги, если можешь. Покажи свой фокус. Мне будет интересно посмотреть.

— Почему? — не сдавался Веспер, чувствуя, как его собственная решимость наталкивается на эту ледяную стену отчаяния и уходит в песок. — Почему ты не хочешь даже попробовать? Ты же воин! Я вижу по рукам, по броне...

— Воин? — незнакомец тихо, но горько рассмеялся, и звук этот был похож на сухой треск ломающихся костей. — Воин там и остался. В пепле. Вместе со своим отрядом, своим знаменем и своими глупыми идеалами. Здесь нет воинов. Здесь есть мясо. А я... — он замолчал, и пустота в его глазах сгустилась до абсолютной черноты, — я уже давно мёртв. Просто ещё не упал.

Он отвернулся, уставившись в щель между досками, в тусклый свет дня, пробивавшийся в это царство страдания. Разговор был окончен.

Веспер откинулся на грубые дочатые стенки клетки. Цепь болезненно натянулась. Боль в голове отступила на второй план, сменившись новой, более острой болью — болью от осознания. Он был в ловушке. Без оружия, без доспехов, прикованный, в окружении сломленных людей. И его единственный потенциальный союзник в этом аду был живым трупом, похоронившим себя заживо.

Он посмотрел на свои руки. Руки кузнеца. Они должны были держать молот, создавать, чинить. А теперь они были бесполезны. Впервые с момента ухода из Риверстоуна он почувствовал семя настоящего, леденящего душу отчаяния. Оно пробивалось сквозь ярость, как ядовитый росток сквозь камень.

Что теперь, отец? — мысленно спросил он пустоту за решёткой. Как быть умнее теперь?

Ответа не было. Был только запах рабства, стоны пленников и тяжёлое, безразличное дыхание человека в углу, который давно перестал ждать спасения.

Глава 4: Эльфийские войны.

В мире, где судьбы народов переплетаются в бесконечном, часто жестоком танце союзов и распрей, история эльфов стала самой стремительной и горькой трагедией. Всего несколько десятилетий назад — миг по меркам их долгой жизни — лесные и тёмные эльфы были единым народом, скреплённым не просто договорами, а кровными узами, общей историей и магией, пронизывающей корни их мира. Они называли друг друга «куна-вел'ан» — дети одной сумеречной зари. Но яд предательства, закапанный в самый корень их единства, отравил его так глубоко и стремительно, что теперь, глядя на выжженные границы и затуманенные ненавистью взгляды, казалось, эта вражда длится целую вечность.

Лесные эльфы, хранители солнечных полей и тысячелетних дубрав, где свет, казалось, превращался в плотное, зелёное золото, делились с сородичами дарами земли. Их летние празднества, когда воздух дрожал от гимнов Зелёной Стихии, были открыты для всех. Они приносили в общие амбары зерно, фрукты, целебные травы, рецепты которых передавались из поколения в поколение. Их магия была магией роста, исцеления, гармонии с дыханием леса.

Тёмные эльфы, повелители таинственных подземелий, туманных долин и скалистых ущелий, где звёзды казались ближе, а тени — глубже, одаривали союзников плодами земли иного рода. Из недр они добывали редчайшие руды, которые светились внутренним, холодным светом. В их кузнях, где пламя питалось не древесиной, а магическими кристаллами, ковалось оружие и доспехи несравненной прочности и лёгкости. Их магия говорила с духами камня, с силами сжатия и концентрации, с тайнами, скрытыми от яркого солнца.

Плечом к плечу они стояли против общих врагов — людских орд, жаждавших их земель, оркских полчищ, не знавших пощады, демонических всполошей из мировых разломов. Их союз был не договором, а симбиозом, прекрасным и хрупким, как узор из инея на паутине.

Но всё рухнуло в одночасье. И причиной стал не голод, не спор о земле, а яд, созревший в одном-единственном сердце.

Принц Патри Экри, второй сын и маладший наследник короля лесных эльфов Патри-нара, с юных лет носил в душе червоточину. Его отца, мудрого и осторожного правителя, он считал слабым за его стремление к миру. Аристократическая бледность и сдержанные

манеры тёмных сородичей казались принцу признаком не благородства, а скрытой мертвенности, холодного коварства. Он видел в них не союзников, а паразитов, тянущих соки из его солнечного мира.

Когда Патринар, после долгих лет переговоров, скрепил новый, ещё более тесный договор с правителем тёмных эльфов, Вейвером IV, яд в сердце принца достиг точки кипения. Он увидел в этом не укрепление союза, а капитуляцию. И тогда он узнал о величайшей и самой охраняемой реликвии тёмных эльфов — «Свитке Лунного Безмолвия». Легенда гласила, что в нём содержалось заклинание истинного, незыблемого бессмертия, дарованное древними богами в награду за верность. Для Патри это стало навязчивой идеей. Он увидел в нём не мудрость, а оружие. Оружие, которое должно принадлежать ему — истинному наследнику солнца и жизни.

С немислимим коварством и помощью немногих преданных фанатиков, разделявших его ненависть, он проник в самое сердце вражеских земель — в Святилище Лунных Теней, высеченное в недрах горы. Он не просто украл свиток. Он осквернил храм, пролив кровь его безмолвных стражей-аскетов, чьи жизни были посвящены лишь охране этой тайны.

И затем, на центральной площади столицы лесных эльфов, Эл'Амарила, перед лицом своего потрясённого отца, перед придворными, перед простым народом, Патри Экри совершил немислимое. Развернув древний пергамент, испещрённый письменами, которые жгли глаза, он прочёл запретные слова вслух. Он не стремился к бессмертию для своего народа. Он жаждал доказать своё превосходство, вырвать у тёмных эльфов их сокровенную силу и бросить им в лицо.

Древняя магия, никогда не предназначенная для эльфийской сущности и оберегаемая именно поэтому, исказилась. Вместо тихой вечности из свитка вырвался хаос. Магический вихрь, слепой и разрушительный, пронёсся по площади, а затем и дальше. Он не дарил жизнь — он ломал её ткань, сея мгновенное безумие среди тех, кто слышал слова принца и возжелел обещанного дара. Война вспыхнула не на границе. Она вспыхнула в сердце столицы, в тот же день, похоронив под обломками доверия, дружбы и родства многовековой союз. Патринар, пытавшийся остановить сына, был сметён первой же волной магического безумия своих же подданных. Патри Экри, охваченный экстазом мнимой победы, стал знаменем для тех, в ком его поступок разбудил самые тёмные инстинкты.

С тех пор кровавые стычки на границах стали ужасающей, кровавой нормой. Лесные эльфы, расколотые на сторонников мира (теперь объявленных предателями) и ярых последователей «Пути Патри», сами стали своей собственной тенью. А тёмные эльфы, видевшие в осквернении святыни и краже величайшей тайны акт беспримерной подлости, ответили яростным, холодным гневом.

Один из таких боёв, рядовой и от того ещё более мрачный, разгорелся на опушке Священных Рош — некогда нейтральной, общей для молитв территории. Небольшой отряд лесных эльфов под командованием мастера Некера получил приказ не дать разведотряду тёмных эльфов прорваться к ближайшему поселению Виндхил, где ещё оставались мирные жители, не успевшие или не пожелавшие эвакуироваться.

— Мастер, — голос его ученика, Фара, был напряжён, как тетива лука, готового выпустить стрелу. Он стоял рядом, скрытый ветвями старого тиса, его глаза выискивали движение в лесной полутьме. — Мы должны эвакуировать гражданских до того, как враг доберётся до деревни. У нас ещё есть немного времени.

Некер, чьё лицо в покое напоминало отполированный речной камень — гладкое, непроницаемое, с глубокими тенями в уголках глаз, — не отвёл взгляда от тропы. Его поза была абсолютно расслабленной, дыхание ровным и беззвучным.

— Мы не допустим их проникновения туда, Фар. Это наш долг. И наш щит.

— А если они всё-таки прорвутся? — не унимался ученик, в голосе которого сквозила не трусость, а тяжесть ответственности за чужие жизни. — Перестраховка ведь никогда не помешает? Мы можем отправить двух лучников, чтобы они подняли тревогу и начали вывод людей.

— Не в этом случае, друг мой, — спокойно, почти мягко ответил наставник. В его тоне не было упрёка, лишь твёрдая, как гранит, убеждённость. — Любая попытка отступления, даже для спасения, сейчас будет воспринята паникёрами в самой деревне как сигнал к бегству. Поднимется хаос. И тогда мы потеряем не только поселение, но и контроль. Мы должны быть не подвижной преградой, а скалой. Непрístupной. О которую разобьётся их прилив. Только так мы спасём и деревню, и свой дух.

— Хорошо, будь по-вашему, мастер, — кивнул Фар, подавляя в себе остатки тревоги. Он доверял Некеру безоговорочно. Это доверие было выковано в годах тренировок, где каждый удар, каждый блок, каждый час медитации приближал его к пониманию бездонной глубины спокойствия учителя.

Спокойствие Некера было не просто маской или тренировкой духа. Оно было живым инструментом, отточенным до совершенства. Мастер настолько проник в тайны собственного тела, что научился ощущать и волевым усилием направлять ток крови в своих жилах. В бою он мог ускорить его, добиваясь вспышечной скорости реакции, когда мир вокруг словно замедлялся. А в минуты подготовки или размышлений — замедлить до почти полной остановки, вводя себя в состояние глубочайшего медитативного покоя, где каждая клетка отдыхала, а ум становился кристально ясным. Такое умение было редкостью даже среди величайших эльфийских воинов и считалось вершиной телесной и ментальной алхимии.

Решение Совета Старейшин навязать ему ученика было для Некера неожиданностью и личным неудобством. Он был путём отшельника, искателем пределов собственных возможностей. Его постоянные тренировки с уникальным клинком, в гарке которого пульсировал изумрудный кристалл Силы Роста, и часы уединённой медитации были направлены на одну, всепоглощающую цель: стать абсолютной, лучшей версией себя. Преодолеть все внутренние ограничения.

Ему не оставили выбора. Никто, даже сам Некер, не знал наверняка, чем было вызвано решение Совета. Возможно, мудрецов тревожила его почти фанатичная, отрешённая от мира преданность самосовершенствованию. Они могли опасаться, что однажды он познает нечто, что заставит его уйти за грань, откуда нет возврата, или, что ещё хуже, бросить вызов самой власти Старейшин, увидев в ней ограничение. Или же они просто не видели смысла в том, чтобы столь великое, выстраданное мастерство не было передано новому поколению в эти тёмные времена.

Появление Фара нарушило уединение, но не погасило пламя жажды познания в Некере. Оно просто обрело новую форму — теперь он стремился отточить не только свой дух и тело, но и дух своего ученика, выковать из него такой же совершенный инструмент. Фар, в свою очередь, полностью разделял стремление наставника, горел тем же чистым огнём преданности искусству. Но его не обурежал тот же отрешённый, почти безжалостный фанатизм. В нём теплилась эмпатия, связь с миром, которая иногда, как сейчас, позволяла ему видеть ситуацию чуть шире, трезвее, человечнее.

Вскоре в земле под ногами послышалась дробь. Сначала тихая, как стук дятла где-то вдали, но быстро превращающаяся в нарастающий, ритмичный гул. Вскоре топот множества лёгких, быстрых ног стал ощущаться как мелкое землетрясение. И на опушке, из густых теней меж стволами, как материализовавшийся из самого мрака кошмар, возникли первые силуэты. Чёрные, отливающие синевой стальные латы, скрывающие лица за шлемами с узкими прорезями. Длинные, изогнутые клинки в руках. Враг. Не абстрактный «противник», а те, кого ещё

недавно можно было встретить на общем рынке или попросить совета по магии камня. Они атаковали молча, без боевых кличей. Их тишина была страшнее любого рёва.

Но Некер был готов. Казалось, он не просто отреагировал — он предугадал сам момент и направление первой атаки. Когда первый тёмный эльф, словно тень, метнулся к нему, клинок мастера уже был на пути. Их оружия встретились не лязгом, а ослепительной вспышкой изумрудного света, от которой у нападавшего на миг свело судорогой мышцы. Некер не просто сражался. Он двигался как воплощённая стихия предвидения. Его меч был продолжением его воли, каждое движение — минимальным, точным и абсолютно смертоносным. Он не тратил силы на широкие замахи. Каждый его выпад, каждый блок, каждый шаг в сторону был частью единого, смертоносного танца.

Фар, выхватив свой собственный клинок с мерцающим зелёным самоцветом, бросился в бой следом. Ему было тяжелее. Его удары были сильны, но не столь отточены, движения — быстры, но не столь стремительно-неотвратимы. Он сражался с яростью и мастерством, но его бой был борьбой. Бой Некера был разрешением уравнения, где ответом всегда была смерть противника.

Остальные члены их небольшого отряда, маги зелёной стихии, не вступали в непосредственную схватку. Они сомкнули строй позади бойцов, их руки были вытянуты вперёд, а голоса сливались в низкое, гудящее пение. Воздух перед ними задрожал и сгустился, образовав полупрозрачный, переливающийся всеми оттенками зелени барьер. Ни один клинок, ни одна стрела тёмных эльфов не могла пробить эту живую стену. Их задача была — не дать никому прорваться к деревне, пока их капитан и его ученик разбирались с авангардом.

Битва была яростной, отчаянной, но недолгой. Спустя пять минут напряжённой, жестокой работы клинков, последний тёмный эльф рухнул на потревоженную, ислёстанную траву. Тишина, наступившая после последнего вздоха, была оглушительной.

Поселение было спасено. Кровь его жителей не пролилась сегодня.

Но стоя среди тел недавних сородичей, среди которых могли быть знакомые лица с детства, Некер и Фар не чувствовали триумфа. Лишь тяжёлую, прогорклую горечь, смешанную с усталостью, которая проникала глубже костей. Это была горечь братоубийственной войны, которой не должно было быть. Войны, развязанной одним коварным, отравленным ненавистью сердцем принца, чьё имя они теперь не могли произнести без того, чтобы не почувствовать во рту вкус пепла.

Глава 5: учитель и ученик

Возвращение в главное поселение после стычки не принесло облегчения. Воздух в эльфийской столице, носившей имя Эл'Амарил («Корни Зари»), был густым не только от запаха хвои и цветущих ночных лиан. Его пропитывало напряжение — то самое, что висело над всем королевством, как низкое, грозное небо. Каменные и живые, переплетённые с древними деревьями строения города казались притихшими. Эльфы, встречавшиеся по пути, двигались быстро, с оружием на поясе, их взгляды были остры и настороженны. Война из далёкой границы пришла сюда, в сердце, в виде паранойи и постоянной готовности к удару.

Мастер Некер и его ученик Фар, минуя заставы стражей, направились в Храм Магов Зелёной Стихии. Он возвышался не в центре города, а на его окраине, там, где рукотворные строения уступали место первозданной, древней чащобе. Храм не был построен — он был взращён. Могучие дубы и вязы столетиями сплетались по воле магов в арки, галереи и залы, их ветви образовывали своды, а корни — ступени и скамьи. Воздух здесь был иным: чистым, напоённым озоном после магии и тихим гулом самой жизни. Свет проникал сквозь плотный полог листьев, разбиваясь на миллионы изумрудных бликов, которые танцевали на резных деревянных панелях и отполированных камнях пола.

Это был главный храм Лесного Ордена. Подобных святилищ было разбросано по всем землям лесных эльфов множество — от величественных соборов, встроженных в гигантские

деревья-титаны, до скрытых в глухих чащах скромных обителей. Но все они имели общее происхождение: их возводили на местах, очищенных от скверны. На развалинах логовищ нежити, на пепелищах гнёзд «порченных» — одичавших племён отверженных всех рас, что скатывались к каннибализму и тёмным культам в глубинах пещер и подземелий. Уничтожить такую нечисть считалось долгом любой цивилизованной расы. Храм на костях побеждённого зла был символом торжества порядка и жизни.

Лесной Орден управлялся Советом Старейшин, куда входили сильнейшие и мудрейшие маги. Но уже несколько лет его главой была не старая и опытная волшебница, а Церия. Юная, едва перешагнувшая двухсотлетний рубеж (что для эльфов равносильно двадцати годам у людей), она обладала могуществом, пугавшим даже ветеранов. Она сменила на этом посту своего учителя — Диром.

Имя Диром в этих стенах произносили шёпотом, если произносили вообще. Он был легендой. Тёмным эльфом, чья преданность Лесному Ордену когда-то не знала границ. Его меч, хранивший уникальный жёлто-фиолетовый кристалл, был символом надежды на примирение рас. Но в первые же дни войны, когда ядовитые семена ненависти, посеянные принцем Патри, дали всходы, Диром исчез. А затем объявился по ту сторону фронта. Для Ордена он стал олицетворением самого чёрного предательства. С тех пор о нём не было вестей — лишь слухи, страшные и отрывочные.

Едва Некер и Фар, отдав отчёт дежурному магу, переступили порог Зала Совета, как всё пошло не так. Зал, обычно погружённый в атмосферу размеренного, вечного спокойствия, был напряжён. Старейшины, сидевшие за U-образным столом из живого дерева, перешёптывались, их лица были озабочены.

Церия сидела во главе. Её осанка, обычно безупречно прямая, сейчас была скованной, пальцы судорожно сжимали подлокотники её кресла. Увидев входящих, она не стала ждать доклада. Она резко поднялась, и её лицо, обычно спокойное и сосредоточенное, как поверхность лесного озера, было искажено. Не гневом, не скорбью — животным, немым страхом, смешанным с яростной решимостью. Это выражение было настолько чуждым её обычной уверенности, что и мастер Некер, и его ученик Фар замерли на пороге.

— Это буду я! — вырвалось у неё, голос сорвался на высокой, почти истеричной ноте, оборвав любое приветствие. — Я должна его остановить! Только я смогу! Больше никто!

Она не назвала имён. Не нужно было. В зале воцарилась гробовая тишина. Старейшины переглянулись, но не произнесли ни слова.

Церия, не глядя ни на кого, стремительно прошла между ними, срывая с вешалки у двери свой лёгкий плащ. Она не объяснила, не отдала приказов. Она просто исчезла за дверью, оставив за собой вихрь недоумения и нарастающей тревоги.

Учитель и ученик стояли, ошеломлённые. Ученик Фар почувствовал, как холодная волна беспокойства подкатила к горлу.

— Учитель... — начал он, но мастер Некер резко поднял руку, призывая к молчанию. Его собственное лицо, обычно непроницаемое, было напряжённо. Он смотрел на пустое кресло правительницы, а затем его взгляд медленно скользнул к окну, за которым сгущались вечерние сумерки. Он что-то понял. Что-то, от чего кровь стыла в жилах.

Что могло так напугать её? — думал Фар, следуя за учителем, который уже развернулся и молча вышел из зала. Она, которая одним взглядом могла усмирить разбушевавшуюся стихию, которая не дрогнула, когда армия тёмных эльфов осаждала Перевал Павших Листьев...

Мысли ученика путались. Война. Она была для него абстракцией, пока он не увидел первый труп. Пока не почувствовал, как лезвие его меча, пульсирующее зелёной энергией, разрезает доспехи того, кто когда-то мог быть союзником, торговцем, соседом. Его преданность мастеру Некеру и Ордену была безгранична, но по ночам его иногда посещали сомнения. Правильно ли это? Может, где-то есть иной путь, не через кровь и пепел? Он гнал эти мысли прочь

как слабость, как измену памяти павших товарищей. Но они возвращались, настойчивые, как назойливые мошки.

Мастер Некер не сказал ни слова, пока они не покинули пределы храма. Он шёл быстро, почти бежал к конюшням.

— Седлай коня, — бросил он своему ученику, и в его голосе впервые за многие годы прозвучала тревога. — Она поехала туда. К поселению.

Спустя час стремительной скачки по лесным тропам они достигли цели. Вернее, того, что от неё осталось.

Картина, представшая их глазам, была вырвана из кошмара. Там, где ещё утром стояли уютные дома, вплетённые в стволы деревьев, и звучали детские голоса, теперь зияли чёрные, дымящиеся воронки. Воздух был густым и сладковато-горьким от гари и смерти. Горы трупов — не воинов в доспехах, а мирных жителей, стариков, женщин — лежали среди обломков. Деревья, столетия хранившие это место, были опалены, их ветви безжизненно свесились, как обгоревшие руки.

Но на фоне всеобщего, тотального разрушения один уголок леса оставался странно, противостоительно нетронутым. Небольшая поляна у старого камня, покрытого мхом. Там, в сгущающихся синих сумерках, неподвижно, как ещё одна тень, стоял силуэт.

Церия была уже там. Она стояла в нескольких шагах от него, спина напряжена, рука сжимала рукоять меча так, что костяшки побелели. Она спрыгнула с коня и сделала шаг вперёд.

— Ты помнишь это место? — раздался голос. Он был спокойным, глубоким, лишённым злобы или торжества. В нём была лишь... усталая печаль. Голос был знаком ученику Фару по старым сказаниям. Диром.

— Чудовище! — выкрикнула Церия, и её голос дрожал от ненависти и боли.

— Я привёл тебя сюда, когда ты была совсем маленькой, — продолжал он, словно не слышал её. — Ты боялась темноты. А здесь, под этим камнем, светлячки устраивали целые представления. Ты назвала это место «полянкой фей».

— Ты монстр, убивший сотни невинных эльфов! — она закричала, и слёзы, наконец, прорвались, оставляя блестящие дорожки на её закопчённом лице.

— Мне почти жаль их, — в его тоне действительно промелькнуло что-то похожее на сожаление. — Они были разменной монетой в игре, которую начал не я. Но пешки должны быть убраны с доски, чтобы дойти до короля.

— Ты заплатишь за это!

— За что? За выполнение долга? За месть? — впервые в его голосе прозвучала сталь. — Твой Орден слеп, Церия. Он воюет с армией тёмных магов, с солдатами. Они — лишь инструмент в руках вашего истинного врага. А я... я охотюсь на охотника.

И тогда он вышел из тени. Диром. Он был высок, строен, его лицо — классическими, острыми чертами тёмного эльфа — было бледным и бесстрастным. На нём не было его легендарного меча. Он стоял безоружный, в простых тёмных одеждах странника. И от этого становилось ещё страшнее. Ибо стало ясно: для уничтожения целого поселения, для того, чтобы противостоять магии целого Ордена, ему не нужен был артефакт. Его оружием была его собственная воля, его непостижимое мастерство в магии фиолетовой стихии, которая черпала силу не извне, а из бездны его собственного духа.

Церия с криком, в котором смешалась вся её боль, ярость и отчаяние, бросилась в атаку. Её меч вспыхнул ослепительным зелёным сиянием. Но Диром даже не пошевелился. Он лишь слегка взмахнул рукой. Невидимый удар, подобный удару хвоста дракона, отбросил её на двадцать футов назад. Она упала, закатилась, порезав руку и щеку осколками своего же клинка, который вылетел из её пальцев.

Она вскочила на ноги, подобрала меч и снова ринулась вперёд, уже не с криком, а с молчаливым, смертельным рывком. На этот раз Диром встретил её. Он двинулся навстречу с

пугающей, призрачной скоростью. Его рука метнулась вперёд, не для удара, а для захвата. Он ловко перехватил её запястья, сжимавшие меч, и поднял её руки над её головой, обездвижив. Их лица оказались в сантиметрах друг от друга.

— Я сделал из тебя воина, — произнёс он тем же ледяным, безличным тоном. — Вложил в тебя всё, что знал. Дал тебе силу. И мною же, увы, ты и падёшь. Ибо ты встала на моём пути.

Раздался сухой, костлявый хруст, от которого Фар, наблюдавший в ужасе из-за деревьев вместе со своим учителем, содрогнулся. Диром сломал ей обе руки в запястьях одним точным, сокрушительным давлением. Она не закричала, лишь выдохнула стон, полный невероятной боли. Затем, не меняясь в лице, он поднял её собственный меч, который выпал из её беспомощных пальцев, и одним резким движением вонзил его ей в бедро, пронзая мышцы и задевая кость. Он не добивал.

Он просто отпустил её. Она рухнула на землю, в грязь и пепел, беззвучно захлёбываясь болью, её сломанные руки безвольно раскинулись, кровь из раны на ноге растекалась тёмным пятном.

Диром посмотрел на неё последний раз, и в его глазах на мгновение мелькнуло что-то сложное — не жалость, а может быть, разочарование. Затем он повернулся и медленно зашагал прочь, растворяясь в сгущающихся сумерках леса, не оглядываясь на руины, которые оставил после себя.

Его война была не войной тёмных эльфов против лесных. Его война была личной. Войной против принца Патри Экри и того безумия, которое тот развязал. И Лесной Орден, и простые эльфы были для него лишь шумом на этом пути, препятствиями, которые нужно было устранить. Он действовал в одиночку, преследуя цели, известные лишь ему, и его методы были столь же безжалостны, как и силы, с которыми он боролся.

Бросив полумёртвую правительницу умирать на фоне дымящихся руин её же народа, он ушёл. Его возвращение из небытия обернулось не предвестием большой войны армий, а личной катастрофой, отголоски которой должны были потрясти Лесной Орден до самых корней.

Спустя час, когда мастер Некер и его ученик Фар, придя в себя от ужаса, уже пытались остановить кровь и наложить шины на сломанные запястья Цери, в лес ворвался поисковый отряд, посланный Советом. Ещё через два часа они доставили полумёртвую девушку в храм. Учитель отдавал тихие, чёткие команды своему ученику, действуя с привычной в бою, но сейчас болезненной эффективностью, пока маги-целители не приняли дело в свои руки.

Теперь у Совета не оставалось сомнений. Диром вернулся. И его возвращение было не объявлением войны — это была охота. И они понятия не имели, кто следующая его цель.

Глава 6: Корень фиолетовой стихии

Помимо магии Зелёной Стихии, питающейся энергией жизни и природы, в мире существует её тёмный, изначальный двойник. Её антипод и, в каком-то извращённом смысле, её исток. Магия Фиолетовой Стихии.

Если Зелёная магия — это дирижёр, управляющий внешним оркестром лесов, ветров и живых существ, то Фиолетовая — это солист, извлекающий музыку из бездны собственной души. Она не черпает силу извне. Она пробуждает её внутри. В самой сердцевине существа, в той точке, где воля сталкивается с возможностью, рождается её искра. Она не просит — она требует. Её цена — не ритуальные компоненты или договоры с духами, а постоянная, безжалостная дисциплина ума и тела, ибо источником топлива служит сама жизненная энергия мага. Внутренний огонь, который можно либо бережно поддерживать, либо яростно раздувать, сжигая себя дотла ради мгновенной, ослепительной вспышки мощи.

Особый кристалл, служащий фокусом и проводником, не даёт силу — он её высвобождает и усиливает. Уникальное свойство этих кристаллов, растущих лишь в самых глубоких, зачарованных пещерах Гигантауна, — способность впитывать и преобразовывать жизненную энергию убитых существ. Именно это породило самую мрачную и противоречивую легенду о

фиолетовых магах: якобы, они могут поглощать силу поверженных врагов, открывая для себя путь к поистине безграничной мощи. Легенда эта полуправда. Энергию можно перенаправить, стабилизировать, использовать для подпитки следующего заклинания, но это процесс невероятно опасный и чреватый потерей собственной личности в хаосе чужих воспоминаний и агоний. Это путь для безумцев или для величайших аскетов, способных отделить чистую силу от психического шлама.

Эту опасную, эзотерическую и невероятно требовательную магию лелеет и хранит Тёмный Орден. Но, в отличие от своего заклятого собрата — Лесного Ордена, — Тёмный Орден не участвует в братоубийственной войне. Его предназначение иное, более древнее и более страшное. Он — не меч, занесённый над врагом. Он — щит и совесть своего народа. Элитная стража, хранитель правопорядка в подземных городах тёмных эльфов, последний аргумент в спорах между кланами и верховный суд в делах, касающихся ересей и запретных знаний. Они — живые сейфы, в которых заключены не только умения, но и моральные устои расы, балансирующей на грани между цивилизованной строгостью и тёмным хаосом их предков.

Мастера уровня Диромы — не просто редкость. Они — аномалия. Чтобы не просто научиться, а освоить этот дар, требуются не десятилетия — века. Железная воля, граничащая с фанатизмом, невероятная сила духа и полный отказ от многих «радостей» жизни, доступных другим, — всё это лишь входной билет. Но одного обучения мало. Ключевое условие, делающее эту магию уделом избранных, — необходимо родиться тёмным эльфом с искрой особого, врождённого таланта. Искрой, которую невозможно имитировать или развить упорным трудом, если её нет. Более того, обнаружить этот дар в себе самостоятельно почти невозможно. Чувственную связь с внутренней бездной часто принимают за психическую болезнь, за одержимость или просто за скверный характер. Увидеть, распознать и отшлифовать эту искру в другом может лишь уже состоявшийся мастер, прошедший весь путь и знающий его оттенки боли и просветления.

Причина невмешательства Тёмного Ордена в войну с лесными эльфами проста и цинична: у тёмных эльфов есть многочисленная, хорошо обученная армия боевых магов, чьей силы и дисциплины до сих пор было вполне достаточно для ведения полномасштабных боевых действий на границе. Тёмный Орден остаётся их последним, самым грозным и самым секретным козырем. Его маги — это стражи Порога. Их берегут не для битвы с внешним врагом, а на тот день, когда враг может прийти изнутри: если древнее безумие или жажда запретной власти снова поднимут голову среди своего же народа, или если на сцену выйдут силы, против которых обычная боевая магия окажется бессильной. Например, пробудившиеся древние сущности, или вампиры Ордена Кровавой Луны, или, как в случае с Диромом, — внутренний демон, решивший вести свою собственную, безжалостную войну.

Они — монахи, живущие по заветам, написанным кровью и молчанием. Их храмы — не на поверхности, а в самых глубоких, тихих и недоступных пещерах, где единственным светом служит мерцание их собственных фиолетовых кристаллов, а единственным звуком — биение их собственных сердец, отмеряющих время, которому они бросили вызов. Они — мирные, пока мир вокруг них не начнёт гореть. А такие, как Диром, — это трещина в этом идеале. Это напоминание о том, что даже самый совершенный щит может сам стать оружием, если рука, что держит его, решит, что настало время не обороняться, а наносить удар.

Глава 7: в политике выживает сильнейший

Слухи о заговоре, словно ядовитый дым, просочились в покои принца Патри Экри. Информацию принёс верный советник, один из немногих, кому Патри доверял безраздельно. Шёпотом, озираясь на ковры, застилающие стены, он рассказал о группе недовольных, зреющий заговор которых вскоре должен был обрушиться ударом кинжала на самого принца. Ярость Патри была холодной и безжалостной. Он решил не просто устранить угрозу, а стереть её в порошок, послав ясный сигнал всем, кто посмеет оспаривать его волю. Для этой грязной

работы он призвал ассасинов из Картеля Междуречья — таинственной гильдии, чьё мастерство в искусстве тихой смерти не имело равных.

Среди наёмников Картеля нашёлся тот, кто ухватился за этот шанс. Лестер, тогда ещё безымянный клинок без репутации, увидел в заказе возможность вырваться из безвестности. Он был умен и проницателен. Вместо того чтобы метаться, вырезая мелких союзников, он решил ударить в самое сердце заговора. «Рыба гниёт с головы», — прошептал он, изучая досье. И его внимание привлекёл сам советник. Слишком уж удобной была его преданность. Используя свои тенистые связи, Лестер выяснил шокирующую правду: именно советник и был лидером заговорщиков. Его план был изощрённым: выдать Патри часть информации, усыпить бдительность, а затем в решающую ночь нанести удар.

Сумерки сгустились над Хотхилом, городом, который теперь был крепостью единомышленников Патри. Пропитанный запахом дыма и страха, воздух был идеальной маскировкой. Лестер, тень среди теней, проскользнул в резиденцию Экри, минуя часовых, чьи взгляды были обращены вовне, а не внутрь. Он проник в опочивальню, где теперь хозяйничал сын короля, и нашёл идеальное укрытие — массивную люстру под самым потолком, откуда открывался вид на всю комнату.

Как только Патри погрузился в сон, в дверях возникла фигура советника. В его руке, отражая лунный свет, блеснул узкий клинок. Скользя по ковру, словно призрак, он приблизился к ложу принца. В его глазах горела решимость. Он занёс руку для удара.

В этот миг с потолка обрушилась смерть. Лестер спикировал вниз, как хищная птица. Глухой хруст, похожий на ломающуюся сухую ветку, огласил тишину — позвоночник советника был сломан. Прежде чем тело успело рухнуть на пол, стальной коготь ассасина вонзился ему в шею, перерезая горло и гарантируя молчание навеки.

Схватив ещё тёплый труп, Лестер бесшумно исчез в ночи через высокое стрельчатое окно. Утром, когда Патри проснулся, ассасин уже стоял перед ним, бросив к его ногам окровавленный свёрток.

—Ваш крысолов спёл свою последнюю интригу, — холодно констатировал Лестер.

Патри, не моргнув глазом, осмотрел тело. На его губе играла тонкая улыбка.

—Молодец. Теперь принеси мне остальных.

Лестер понял: это его шанс. Награда за полное уничтожение заговора сулила не только золото, но и блестящее будущее. Охота заняла всего неделю. Лестер работал методично и безжалостно. Один за другим заговорщики находили смерть в тёмных переулках, своих постелях, на пирах. Вскоре Лестер вновь предстал перед Патри, на этот раз с грубым холщовым мешком, из которого доносился тяжёлый, сладковатый запах смерти.

—Теперь здесь все, — коротко доложил ассасин.

Патри оценивающе взглянул на него.

—И чего же ты хочешь за столь... исчерпывающую услугу?

Лестер чуть склонил голову.

—Насколько простираются пределы разумного?

—Для меня? — Патри усмехнулся. — Вообще всё.

—Тогда я хочу стать главой Картеля Междуречья, — отчеканил Лестер.

Принц поднял бровь, в его глазах вспыхнул интерес.

—Дерзко. Это возможно. Но только завтра. А сегодня ты будешь моим почётным гостем и останешься здесь.

Ночь показалась Лестеру вечностью. Он не сомкнул глаз, ожидая подвоха. Но утро принесло не кинжал в спину, а новость: нынешний глава Картеля был найден мёртвым в своей опочивальне. Обстоятельства его гибели были более чем загадочными — его буквально изжарили заживо в собственной постели, будто он спал в пасти дракона.

В тот же день в Картеле прошло тайное голосование. И к изумлению многих, новым главой ассасинов был избран Лестер. Теперь у него была власть, а у Патри Экри — верный и безжалостный инструмент влияния на весь внешний мир. Их союз, скреплённый кровью и амбициями, был заключён.

Глава 8: Поединок

Дни в клетке слились в одно сплошное полотно из вони, скрежета цепей и приглушённых стонов. Веспер пытался планировать побег, но мысль упиралась в непреодолимое: массивный висячий замок на дверце клетки и короткая, толстая цепь, вделанная в его ошейник. Он пробовал расшатать петлю, вбитую в центральный столб, но старая, пропитанная сыростью древесины лишь поскрипывала, не поддаваясь. Отчаяние, холодное и липкое, снова подбиралось к горлу.

Он сидел, прислонившись к решётке, и смотрел на свои руки. Руки кузнеца, привыкшие чувствовать вес молота, твёрдость стали, жару горна. Теперь они были беспомощны, как у младенца. Его взгляд машинально скользил по другим пленникам, по их жалкому скарбу — тряпье, пустая деревянная миска, у кого-то — самодельная костяная фигурка. И тут его взгляд зацепился за Грегора.

Бывший воин, как всегда, сидел в своём углу, неподвижный, как скала. Но теперь Веспер разглядел детали. На нём ещё сохранились потрёпанные, но некогда качественные доспехи. Кольчужная рубаха под грудью, наплечники из тонких железных листов, укреплённые стальными заклёпками. Один из наплечников, левый, был повреждён — железка треснута, а стальная пластина погнута и едва держалась на последней заклёпке. Металл... Идея, острая и ясная, как удар молота по наковальне, пронзила сознание Веспера.

Он не стал раздумывать. С трудом поднялся, заставив звенья цепи звякнуть, и подошёл к Грегору. Тот не шелохнулся, лишь глаза, тусклые и безжизненные, медленно поднялись к нему.

— Дай наплечник, — сказал Веспер без предисловий, голос звучал хрипло, но твердо.

Грегор медленно перевёл взгляд на свою левую ключицу, будто впервые замечая этот элемент своей брони. Ни тени удивления на его лице. Лишь глубокая, всепоглощающая апатия.

— Тебе он нужнее, — прохрипел он наконец и одним движением, привычным и точным, сорвал ослабевшую заклёпку. Наплечник с глухим стуком упал в грязную солому у ног Веспера. Жест был не добровольным, а скорее автоматическим, как у солдата, отдающего ненужную часть снаряжения. В нём не было ни надежды, ни помощи. Была лишь полная капитуляция.

Веспер поднял его. Тяжёлый, весом около двух фунтов. Стальная пластина, согнутая от удара, образовывала грубый, но прочный клин. Идеально.

Он вернулся к двери клетки, к висячему замку, такому же старому и ржавому, как всё в этом лагере. Замок был простой конструкции, с массивной дужкой. Металл против металла. Его руки, наконец, обрели дело. Он глубоко вдохнул, ощущая холодную тяжесть импровизированного молота. Всё его существо, вся накопленная за дни ярость, страх и отчаяние сконцентрировались в этом движении.

Он занёс наплечник, отведя руку назад не для размаха, а для точности, как учил отец: «Сила — в толчке от ног, сынок. Рука лишь направляет». И ударил.

Звонкий, оглушительный лязг разнёсся по клетке, заставив пленников вздрогнуть. Искры посыпались с места удара. Замок дёрнулся, но выдержал. На его ржавой поверхности осталась глубокая вмятина. Сердце Веспера бешено заколотилось. Не от страха, а от азарта. Он нашёл слабое место.

Второй удар. Третий. Каждый раз он бил с одинаковой, методичной силой, целясь в одно и то же место — основание дужки. Ржавчина осыпалась, обнажив тусклый металл под ней. Четвёртый удар. Раздался скрежещущий, радостный звук ломающегося металла. Замок с грохотом отлетел, ударившись о противоположную стену клетки.

Тишина повисла на миг, густая и невесомая. Полдверцы теперь распахнулась, приглашая в мир за пределами их тюрьмы. Пленники уставились на Веспера с немим изумлением, в котором постепенно разгоралась искра чего-то забытого — возможности.

Но Веспер уже повернулся к Грегору. Цепь на его шее по-прежнему тянулась к столбу. Её ещё предстояло решить.

— Кстати, ты так и не представился, — сказал Веспер, переводя дух. Ему нужен был союзник, а не груз. Ему нужно было вытащить этого человека из трясины его отчаяния.

Грегор медленно поднял голову. Его взгляд был всё таким же пустым.

— Грегор. Но в этом больше нет смысла.

— Есть, — отрезал Веспер. Он подошёл ближе, цепь звенела за ним. — Идём со мной. И тогда мы найдём смысл заново. Оба.

— Я же сказал тебе, я никуда не пойду, — голос Грегора был плоским, как лезвие затупленного ножа. — Ты открыл дверь. Беги. Оставь меня гнить. Я уже сгнил.

Веспер почувствовал, как терпение начинает лопаться. Он видел силу в этих широких плечах, ум в этих уставших глазах. Видел воина. И ненавидел эту добровольную капитуляцию.

— Мне нужна твоя помощь! — в голосе прозвучала сталь.

— Обломаешься, пацан, — Грегор усмехнулся, и в этой усмешке была вся горечь его поражений. — Ты силён духом. Но одного духа мало. Ты не знаешь, что там, за частоколом. Я знаю. Там смерть. И я уже принял её.

Ярость, копившаяся дни, недели, с момента разрушения Риверстоуна, наконец прорвалась. Она вырвалась не криком, а низким, рычащим шепотом, от которого даже у некоторых пленников побелели лица.

— Слушай сюда, пёс! — Веспер наклонился, его лицо оказалось в сантиметрах от лица Грегора. — Либо ты встаёшь и идёшь по-хорошему, помня, кем ты был. Либо я подниму тебя силой и надеру твою тощую, сломленную задницу прямо здесь, на глазах у всех, пока в тебе не проснётся хоть капля стыда! Выбирай.

В пустых глазах Грегора что-то дрогнуло. Не надежда. Гнев. Тусклый, давно забытый, но живой огонь оскорбления. Его губы подёрнулись.

— Как же ты меня достал... — прошипел он, и в этих словах была не апатия, а ярость. Ярость на этого наглого юнца, на себя, на весь мир.

И тогда Грегор встал.

Он поднялся не как измождённый пленник, а как медведь, потревоженный в берлоге. Каждый мускул, каждое сухожилие напряглось, наполняясь силой, которую долгие недели заточения пытались усыпить. Он был на голову выше Веспера и шире в плечах.

Драка началась не с выпада, а со взгляда. И тогда Грегор двинулся. Его удар был не быстрым, но невероятно мощным, будто двигалась не рука, а дубовая балка. Веспер едва успел отбить её предплечьем, и боль, яркая и чистая, пронзила его до кости. Это была не тренировка в кузнице. Это была настоящая борьба.

Они бились в тесном пространстве клетки, среди вскрикивающих и отползающих пленников. Веспер был быстрее, проворный, он использовал свою молодость и ярость, нанося удары локтями, пытаясь поймать Грегора на ошибке. Но Грегор был несокрушим. Каждый его блок был точен, каждое движение экономно. Он не атаковал яростно — он оборонялся, принимая удары на корпус, на плечи, и отвечая короткими, сокрушительными толчками, которые сбивали Веспера с дыхания. Это была техника выносливого солдата, привыкшего к долгой, изматывающей рубке.

Веспер пыхтел, пот заливал глаза. Он как стена. Он всё читает. Я не могу... Но мысль о отце, о клетке, о цепи на шее заставляла его снова бросаться вперёд. Он прорвался, нанеся серию быстрых ударов в корпус, и один из них, кажется, достиг цели — Грегор крикнул. В

ответ последовал удар головой в грудь, который отбросил Веспера к решётке. Звёзды поплыли перед глазами.

Они дрались, кажется, вечность. Никто не мог добиться решающего преимущества. Веспер не мог сломить оборону ветерана, а Грегор, казалось, и не пытался победить — он лишь демонстрировал свою несокрушимость, свою броню из апатии и опыта. Наконец, после особенно неудачного выпада, Веспер поскользнулся на грязной соломе и рухнул на одно колено, тяжело дыша. Грегор, тоже запыхавшийся, с рассечённой бровью, стоял над ним, не нанося последнего удара.

— А ты... хорош, — выдохнул Грегор, вытирая кровь с лица. Его голос потерял плоскую интонацию, в нём появилась хриплая нота уважения, добытого в бою. — Как там тебя?

— Веспер, — прохрипел тот, поднимаясь.

— Да, точно, Веспер... — Грегор окинул его оценивающим взглядом, от макушки до пят. В его глазах пустота понемногу отступала, вытесняемая усталым, горьким, но живым интересом. — Всё-таки думаю, стоит с тобой отправиться. Хотя ты и силен, и упёрт как чёрт, но победить меня не смог. А значит, тебе ещё есть чему учиться. И умирать в одиночку как-то... скучно.

Веспер, всё ещё переводя дыхание, не мог сдержать ухмылки.

— Я же говорил, что вытащу тебя отсюда!

Грегор фыркнул, и это почти походило на смех.

— Не обольщайся, пацан. Я могу и передумать. С первым же удобным случаем.

Но в его словах уже не было прежней безысходности. Было тяжеловесное, неохотное согласие. Поединок стал ритуалом, пробудившим в нём воина. Он проиграл свою войну, но этот бой, этот наглый юнец, заставивший его снова почувствовать боль и ярость, дали ему новую, мелкую, тактическую цель: выбраться отсюда. А там — видно будет.

Освободить цепь оказалось проще. Используя тот же стальной наплечник и рычаг из обломка доски, они вырвали кольцо, вбитое в столб. Теперь они были свободны внутри клетки. Следующей задачей был весь лагерь.

Они выбрались из клетки под покровом наступающих сумерек, пригнувшись, двигаясь от тени к тени. Лагерь жил своей грубой, шумной жизнью: где-то ревели пьяные орки, где-то потрескивал костёр, доносился звон оружия. Они крались к восточной части частокола, подальше от главных ворот, надеясь найти слабое место. И почти достигли его, когда за поворотом между двумя воюющими шкурами шатров открылась неожиданная картина.

Это была не кузница и не склад. Это была арена.

Вытоптанная площадка, окружённая грубыми деревянными скамьями, сейчас пустовавшими. В центре — песок, утоптаный и испещрённый тёмными пятнами. А с другой стороны — зарешечённый проход, ведущий в какие-то подземные загоны. Веспер замер, пытаясь понять. Грегор, стоявший сзади, тихо выругался.

— Гладиаторские бои, — прошептал он, и в его голосе мелькнуло отвращение. — Конец месяца. Они проводят их для забавы и для отбора сильнейших рабов. Нам надо отсюда...

Но было уже поздно. Из-за шатра вышли два орка, явно подвыпивших, с тупыми ухмылками на лицах. Увидев двух незнакомцев вне клетки, они не закричали тревогу — их пьяные мозги обработали информацию иначе.

— Ага! Беглецы! — проревел один, хватая Веспера за руку. — Или... новые бойцы? Пришли сами, да?

— Давай-ка на арену! — второй орк с силой толкнул Грегора в сторону зарешечённого прохода. — Сегодня как раз не хватало пары тёлок для загона! Посмотрим, как вы порезвитесь!

Протестовать было бесполезно. Любой крик привлёк бы внимание всего лагеря. Их затолкали в тёмный, пахнущий кровью и потом тоннель, вывели на песок арены. Ослепительный свет факелов ударил в глаза. Деревянные трибуны, которые минуту назад были пусты,

теперь заполнялись орками, привлечёнными неожиданным зрелищем. Поднялся рёв, жаждущий крови.

И вот на арену вышел он.

Его появление заставило замолчать даже самых буйных зрителей. Это был воин в доспехах цвета заката — глубокий, тёмно-красный, с прожилками тусклого золота. Броня покрывала его с головы до ног, не оставляя ни щели. Он не носил шлема, но его лицо было скрыто за стальной маской, стилизованной под спокойный, почти скорбный лик. В руке он держал длинный, прямой меч. Он вышел не спеша, уверенно, и встал в центре арены, абсолютно спокойный. Его звали Аз Дек, и он был здесь легендой, чьё происхождение окутывалось тайной.

Весперу и Грегору швырнули оружие под ноги. Веспер с облегчением увидел знакомую рукоять своего стального меча. Грегору повезло меньше — пара коротких, но невероятно изящных кинжалов с молочно-белыми, почти светящимися лезвиями из белого золота.

Рёв толпы стал оглушительным. Правила были просты: выжить.

Веспер, ещё не оправившись от шока, с ревом бросился на Аз Дека. Его меч встретился с клинком противника в снопе искр. И сразу стало ясно — это другой уровень. Аз Дек двигался с пугающей, почти экономной эффективностью. Каждый удар Веспера он парировал с минимальным усилием, его меч казался продолжением его воли. Он не атаковал, а лишь оборонялся, изучая, будто оценивая силу и технику нового противника. Веспер отчаянно наносил удары, но они разбивались о непробиваемую защиту. Отчаяние начало сжимать горло. Он меня переиграет. Он просто измотает. Это конец...

Именно в этот момент, когда всё внимание Аз Дека было приковано к яростному напору Веспера, сбоку, из слепой зоны, метнулась тень. Грегор.

Он не бросился в лоб. Он подкрался, используя навыки, отточенные в сотнях стычек, и вонзил оба кинжала с короткого замаха в слабое место доспеха — в основание шеи, где шлем сходил с наплечником. Удар был смертельно точен, быстр и тих.

Аз Дек замер. Его меч опустился. Он медленно, с почти церемониальной торжественностью, опустился на одно колено, склонив голову. Это был не жест боли, а жест признания поражения по кодексу, который лишь он один здесь понимал.

Грегор, тяжело дыша, вытащил клинки. Веспер стоял в оцепенении, не понимая. Он не знал кодекса орков, не знал, что павший на колено воин признаёт себя побеждённым. Он видел лишь то, что их противник, казавшийся непобедимым, был повержен не его силой, а холодной расчётливостью ветерана.

Трибуны взорвались смешанным рёвом — ярости, разочарования, но и уважения. Правила есть правила. Победителям даровали свободу и право забрать любую броню и оружие с арены.

Грегор, не теряя времени, направился к оружейным стойкам. Он сбросил свои потрёпанные доспехи и облачился в прочный, хоть и не роскошный, комплект из закалённого железа и стальных пластин. Свой новый меч он пристегнул к поясу, но кинжалы... кинжалы с белыми лезвиями он завернул в обрывок плаща и бережно прикрепил к поясу сзади. Веспер лишь забрал свой меч и свою броню которую тоже там нашёл, наблюдая за сосредоточенным, деловитым выражением на лице Грегора. В этом человеке, ещё недавно похороненном заживо, теперь кипела жизнь, пусть и мрачная, целеустремлённая.

Наконец, они покинули вонючий частокол, рынок работорговли орков, оставив позади рёв толпы и запах страха. Прямо перед ними, за вытоптанной полосой у границ лагеря, вновь расстилалось оно — бескрайнее, невероятное поле цветов, поглотившее сумерки своими синими, лиловыми и алыми оттенками. Оно казалось ещё более огромным и безмолвным после адского шума арены. Воздух, чистый и пьянящий, ударил в лёгкие, смывая память о смраде.

Они сделали несколько шагов в эту цветочную пустыню, и только тогда Веспер позволил себе выдохнуть. Они были свободны. Но даже в такой красоте, он понимал теперь, скрывались

неведомые опасности. И первая из них, возможно, таилась в молчаливом, вновь обретшем цель человеке, шагавшем рядом с ним.

Глава 9: поле загадочных цветов.

Они шли молча, оставляя за спиной зловонное дыхание оркского лагеря, пока оно не растворилось в густом, пьянящем аромате тысяч цветов. Поле не просто лежало перед ними — оно поглощало их. С каждым шагом высокие, по пояс, стебли люпинов, маков и неведомых синих колокольчиков смыкались за их спинами, стирая след. Казалось, сама земля, уставшая от жестокости, пыталась залечить свою рану этим буйством безмолвной, равнодушной жизни.

Веспер шёл первым, его стальные латы, очищенные от большей части грязи тяжёлой тряпкой у колодца на окраине лагеря, глухо позванивали, цепляясь за упругие стебли. Звук был чужим в этой тишине. После духоты клетки и рёва арены эта безбрежная, цветущая тишь давила иначе — она заставляла прислушиваться к собственным мыслям, и они звучали слишком громко.

Свобода. Она пахнет не железом и потом, а этой... сладковатой пылью. И она бескрайняя. Куда идти? Вопрос, который он гнал прочь в плену, теперь вставал во весь рост. След великанов был потерян. Он шёл наугад, ведомый лишь упрямством и теперь — немим спутником сзади.

Он обернулся. Грегор шёл в паре шагов сзади, его новоприобретённые доспехи из грубого железа и стали выглядели чуждо на его могучей фигуре, как новая кожа на старом шраме. Но глаза его уже не смотрели в пустоту. Они, прищуренные, скользили по горизонту, изучали поле, оценивали углы. В одной руке он сжимал рукоять своего простого меча, другой время от времени нащупывал за спиной свёрток, где лежали те самые белые кинжалы.

— Долго ещё идти? — спросил Веспер, просто чтобы разбить тишину, которая начинала звенеть в ушах.

Грегор не ответил сразу. Он остановился, сломал толстый стебель какого-то алого цветка и, растирая его между пальцами, понюхал.

— Пока не выйдем. Поля эти... они обманчивы. Могут тянуться день, а могут и неделю. Искажают расстояние. — Он бросил цветок, вытер пальцы о плащ. — Но путь наш лежит на север.

— К отцу? — в голосе Веспера прозвучала немедленная надежда.

Грегор посмотрел на него, и в его взгляде была не жалость, а суровая практичность солдата.

— К подготовке. Ты видел одного великана? Я — нет. Но я видел, что они делают с подготовленными отрядами. Идти к ним сейчас — броситься в пасть к зверю с голыми руками. Ты силен, пацан. Упрям. Но против ходячей горы нужно нечто большее, чем стальной клинок и доброе сердце.

— Что? — спросил Веспер, чувствуя, как знакомое раздражение подкатывает к горлу. Его броня, его меч, его решимость — разве этого мало?

Грегор помолчал, будто взвешивая, стоит ли делиться сокровенным с этим юным фанатиком. Но поле, эта огромная, исповедная тишь, располагало к разговору. И, возможно, ему нужно было произнести это вслух, чтобы снова поверить самому.

— Легенды ходят. Не только барды их поют. Есть среди военных, среди искателей... разговоры. О Святой Броне.

Веспер остановился, обернувшись к нему полностью.

— Сказки. Для поднятия боевого духа.

— Сказки часто имеют корни в правде, — парировал Грегор. Он говорил тихо, но уверенно, как о тактике или устройстве катапульты. — Говорят, если собрать одиннадцать редчайших материалов, переплавить их по утраченному ритуалу... получатся слитки не от мира

сего. Из них можно выковать доспех, перед которым померкнет солнце, и клинок, рассекающий саму судьбу.

Веспер, сын кузнеца, не мог не заинтересоваться. Сама идея легендарного сплава будоражила его ум.

— Какие материалы? Где их искать?

— Знаю лишь об одном, — Грегор снова повёл плечами, разминая затекшие мышцы. Его взгляд устремился куда-то далеко на север, туда, где небо даже сейчас казалось холоднее. — Слиток Морских Глубин. Не просто кусок металла. Говорят, это сам дух морей, в нём заточена вся сила подводного мира. Обретает силу и форму только в абсолютном холоде и под чудовищным давлением. Найти его можно только там, на дне северного моря, в самых тёмных расщелинах.

Мысль о ледяной бездне заставила Веспера внутренне содрогнуться. Его мир был ограничен кузней, полями Стоунстейта и тёплым очагом. Но он кивнул.

— Значит, нам на север. К морю.

— Не к морю. К человеку, — поправил Грегор. — В провинции Нордленд живёт один мой... старый знакомый. Солдат, но тот ещё чудак. Но он знает о древностях и металлах больше, чем все академики Стоунстейта вместе взятые. Если кто и сможет указать точное место или хотя бы подтвердить, что слиток — не выдумка, то это он.

— Так куда ты говоришь, мы идём? — уточнил Веспер, уже мысленно примеряя к этой безумной цели свою решимость. Это был план. Конкретный, пусть и невероятный шаг.

— В Нордленд, — подтвердил Грегор. — Через Вольные Земли, потом через Перешеек. Дорога неблизкая. И небезопасная.

Они снова зашагали. Тишина сгущалась, лишь шелест их ног по траве да редкие перебивы невидимых в зарослях насекомых нарушали её. И тут Веспер вспомнил.

— А зачем ты забрал с собой эти кинжалы? — он кивнул на свёрток за спиной Грегора. — Они что, особенные?

Грегор хмыкнул, и в звуке этом слышалось что-то вроде мрачного удовольствия коллекционера.

— Ты шутишь? Посмотри на них, — он на секунду остановился, развернул ткань. Даже в сгущающихся сумерках лезвия отливали тусклым, молочным, внутренним светом, словно впитавшим в себя лунный свет. — Это белое золото. Вернее, сплав, секрет которого утерян. Такое оружие делали жители острова ещё до Великой Колонизации, до того, как Родер ступил на этот берег.

— Дорогие? — предположил Веспер.

— Бесценные, — поправил Грегор, бережно заворачивая клинки. — Но дело не в цене. Их можно зачаровать.

— Зачаровать? Как меч отца закаляли в ледяном ручье для твёрдости?

— Не в пример сильнее, — голос Грегора стал тише, почти благоговейным. — Есть древние ритуалы. Один из них — «Дух Дракона». Если провести его верно... лезвия начнут извергать пламя, способное прожечь любую броню. Даже ту, что выкована из тех самых святых слитков, о которых я говорил.

Веспер замер, поражённый. В его мире магия была уделом таких, как Маремор — для исцеления, для помощи в быту. Оружие, плывущее огнём, было из области легенд о Древнем Змее.

— И ты знаешь, как это сделать?

— Знаю теорию, — откровенно признался Грегор. — Нужна не только сила, но и знание. Конкретные руны, определённый порядок действий. Всё это записано в древних манускриптах. Одна такая книга... я нашёл её давным-давно, во время службы в армии Нордленда. Мы проводили разведку в ледяных пещерах, наткнулись на захоронение, которое старше самого

Нордленда. Там, среди костей и замшелых камней, лежал фолиант. Кожа переплёта была твёрдой, как камень, страницы — из тончайшего пергамента, буквы казались вырезанными иглой.

— И ты её прочёл?

— Я отнёс её историку в Штормграде, старому чудаку, который изучал древние культуры Родеры. Он потратил месяцы, но смог перевести часть. Оттуда я и узнал о белом золоте, о «Духе Дракона»... и о многом другом, о чём лучше не помнить.

Веспер слушал, зачарованный. История обретала плоть. Это были не просто сказки у камина — это были знания, добытые в бою и рискованном походе. Его собственная история показалась ему вдруг убогой и мелкой.

— Ясно... а я мало что могу рассказать, — он заговорил, неожиданно для себя желая как-то уравновесить эту эпическую сагу. — Раньше жизнь моя была обычной. Я обучался кузнечному мастерству у отца. Знаю вес молота, цвет металла при разных температурах, как отбить косу... — он умолк, чувствуя неловкость.

Грегор посмотрел на него, и в его взгляде не было насмешки.

— Нет ничего зазорного в мирной и спокойной жизни, Веспер. Это то, за что воюют. Чтобы у других она была. Твой отец... он научил тебя созидать. Это хорошее умение. Оно может пригодиться и для разрушения, если цель того стоит.

— Возможно, это и так, — пробормотал Веспер, но в душе что-то отозвалось на эти слова теплом.

Они шли ещё около часа, как вдруг Грегор резко поднял руку — сигнал «тихо». Веспер замер. Впереди, на едва заметной тропинке, примятой в цветах, стояла фигура. Высокая, в знакомых доспехах цвета заката. Аз Дек.

Он не шёл. Он стоял, повернувшись к ним боком, будто любуясь морем цветов. Но в его позе не было расслабленности. Была ритуальная строгость. И пока они наблюдали, он медленно, невероятно плавно опустился на колени, сложив руки перед собой.

И тогда перед ним проявилась она.

Воздух задрожал, заструился, как над раскалёнными камнями. И из этой дрожи возник силуэт девушки. Она была одета в струящуюся белую накидку, закрывавшую её с головы до ног, но не скрывавшую её неземной, хрупкой красоты. Её лицо было печальным, а глаза смотрели на Аз Дека с бесконечной, вневременной грустью. Она была призраком, но от неё исходила такая плотная, осязаемая аура древней силы, что у Веспера перехватило дыхание.

Призрак поднял руку, не руку — скорее сияющее подобие конечности.

— Ты проиграл, — произнёс её голос. Он был подобен шелесту лепестков, но разносился на всё поле, ясный и неотвратимый.

Аз Дек не ответил. Он лишь ниже склонил голову.

— Обещание было нарушено. Поэтому ты вернёшься в свой прежний облик. Отдай то, что было тебе дано.

И тогда произошло нечто невообразимое. Из-под пластин доспеха Аз Дека, из стыков, из-под маски, хлынул поток маленьких, сияющих голубоватым светом существ. Они были похожи на цветки на тонких, быстрых ножках. Они соскальзывали с брони, сотнями, тысячами, и, коснувшись земли, разбегались во все стороны поля, мгновенно теряясь в зарослях. Броня, лишённая их сияющей сущности, осела, стала просто грудой безжизненного металла на земле. Аз Дек исчез. На его месте не осталось ничего.

Призрак медленно повернул голову, и его взгляд на мгновение, казалось, скользнул прямо через Веспера и Грегора, видя их, но не видя. Затем образ задрожал и растворился в воздухе, как дымка на ветру.

Долгое время стояла тишина. Даже насекомые смолкли.

— Что... что это было? — наконец выдохнул Веспер, сжимая рукоять меча так, что пальцы побелели. — Это что, магия? Некромантия?

Грегор медленно опустил руку, которой инстинктивно потянулся к мечу. Лицо его было бледным под слоем грязи и загара.

— Нет. Не магия в привычном нам смысле. И уж точно не мертвецы. Это... элиады. Духи цветов и растений. Древние, мудрые, и почти никогда не показывающиеся людям. Я слышал о них лишь в мифах.

— Как элиады смогли стать воином? — не мог понять Веспер. В его голове не укладывалось, что хрупкие цветы, даже духи, могли управлять бронёй и сражаться с убийственной эффективностью.

— Не знаю, — честно признался Грегор. Его глаза изучали то место, где секунду назад был призрак, с новым, неподдельным интересом и осторожностью. — Я такого никогда не видел и не слышал. Единственное, что я о них знаю наверняка... из их особой пылицы, что собирают раз в столетие при определённом положении луны, гномы-пивовары с Западной колонии делают «Элино́р» — эль такой крепости и тонкости, что глоток его стоит целое состояние и, говорят, дарит видения. Но чтобы вот так... — он покачал головой. — Это меняет дело. Это поле... оно не просто красивое. Оно живое. И оно только что показало нам, что может постоять за себя. Идём. И давай постараемся больше ничего здесь не ломать.

Они двинулись дальше, но теперь их шаг стал осторожнее, а взгляды — внимательнее к окружающим их миллионам безмолвных, прекрасных, загадочных соцветий. Поле перестало быть просто фоном. Оно стало действующим лицом, хранящим тайны куда более древние и странные, чем война людей, орков и великанов. И где-то в глубине души Веспер почувствовал, что их путь только что пересекся с чем-то невероятно большим, чьи масштабы и мотивы он даже не мог вообразить.

Глава 10: Нордленд и его просторы

Холод ударил в лицо прежде, чем они увидели снег. Сначала это был лишь ветер — резкий, пронизывающий, несущий с севера ледяное дыхание далёких ледников. Цветочное поле, ещё вчера бывшее царством пьянящего тепла, стало враждебным. Стебли поникли, покрытые инеем, яркие краски поблели, уступив место серому, предрассветному небу. Они вышли на каменистую возвышенность, и перед ними открылся Нордленд.

Это была не просто «большая северная провинция». Это был другой мир.

Земля, убегающая к горизонту, была затянута белым, колючим одеялом, лишь кое-где прорезанным тёмными, зубчатыми хребтами скал. Леса здесь были не дубовыми и не цветущими — это были угрюмые, плотные чащи хвойных деревьев, елей и сосен, чьи тёмно-зелёные лапы гнулись под тяжестью снежных шапок. Воздух был кристально чист, холоден на вкус и обжигал лёгкие. Тишина стояла иная — не цветущая, а подавляющая, звенящая, нарушаемая лишь далёким воем ветра в ущельях.

Ничего подобного... — мысль Веспера застряла где-то между восхищением и ужасом. Его родной Стоунстейт с его тёплыми равнинами, запахом нагретой солнцем земли и пшеницы казался теперь сном из другой жизни. Здесь всё было высечено из льда, камня и выносливости. Здесь выживали только самые крепкие. Мысль о том, что его отец мог быть где-то в подобной, ещё более суровой местности, сжала его сердце ледяной тиской.

— Добро пожаловать в морозильник, — хрипло произнёс Грегор. Его дыхание вырывалось густыми клубами пара. В его глазах, однако, читалось не отвращение, а знакомство, даже что-то вроде мрачного уважения к этой земле. — Шестьдесят процентов всех пещер и сокровищ острова — здесь, под этим снегом. И примерно столько же проблем. Морозы, снежные бури, ищейки-волки размером с телёнка, тролли в горных расщелинах... и это не считая местных жителей, которые сами по себе крепче гранита.

На границе, отмеченной лишь полуразрушенным каменным обелиском с выветрившимся гербом, их остановил дозор. Не просто пара стражников, а целый укреплённый пост — бревенчатая застава с вышкой, из-за частокола торчали наконечники копий. Солдаты были закутаны

в толстые меха, их лица, обветренные и жёсткие, выглядели высеченными из того же гранита, что и горы позади.

— Стой! Цель и документы! — бросил старший, его голос был груб, как скрежет камня. Грегор шагнул вперёд, откинув капюшон накидки.

— Грегор, бывший капитан третьего разведывательного отряда Нордленда. Идём по личным делам в Штормград.

Лицо старшего дозорного изменилось. Жёсткие складки вокруг глаз смягчились на долю секунды. Он пристально взгляделся, затем кивнул, отдавая нечто среднее между поклоном и кивком уважения.

— Проходите, капитан. Дорога на Фортсити свободна. Берегите спины.

Стражники молча расступились. Вesper прошёл мимо них, чувствуя на себе их оценивающие, холодные взгляды. Он снова убедился — Грегор был здесь не просто знакомым, а человеком с именем и репутацией, которую даже годы отсутствия не стёрли. Это придавало странному путешествию оттенок реальности, но и накладывало груз ответственности. Он шёл рядом с кем-то значимым.

Дорога вела через хвойный лес. Для Вesperа это было первое погружение в подобную чашу. Непривычный запах — смола, хвоя, влажная, холодная земля — заполнил ноздри. Снег хрустел под сапогами, странный, сухой звук после топкой грязи Вольных Земель. Сосны стояли, как молчаливые стражи, их верхушки терялись в низкой, свинцовой облачности. Каждое дерево казалось ему великаном, каждую тень за стволом его воображение готово было населить невиданным зверем. Он шёл, напряжённо вглядываясь в полумрак, держа руку на рукояти меча, пока Грегор не бросил, не оборачиваясь:

— Расслабься. Если бы тут кто был, мы бы уже знали. Местные звери пахнут иначе. А бандиты... они предпочитают дороги поудобнее. Мы идём старой тропой. Её знают немногие.

Первый город, Фортсити, возник перед ними внезапно, как крепость, выросшая из самой скалы. Он и был крепостью. Высокие стены из тёмного, морёного дерева и грубого камня, увенчанные частоколом. С двух сторон к нему примыкали укреплённые аванпосты — низкие, приземистые бастионы с дозорными вышками, откуда за ними наблюдали. Город дышал не мирной жизнью, а суровой, боевой готовностью. Дым из труб был густым и чёрным — кузницы и плавильни работали без остановки. У ворот, массивных, окованных железом, дежурили не двое, а целый расчёт стражников в добротных кольчугах и с тяжёлыми алебардами. Их взгляды были острыми и недружелюбными.

Грегор, казалось, даже не заметил этого. Он шёл прямо, с той же прямой осанкой, что и стражники на заставе.

— Первое место, куда мы зайдём — таверна! — объявил он, и в его голосе прозвучала неподдельная, животная радость. — Я дико проголодался! Мне уже мерещатся не оркская бурда, а что-то съедобное. С мясом. И с хлебом. И чтобы горячее!

Вesper, чей собственный желудок отозвался болезненным спазмом, не мог не согласиться.

— Я тоже не откажусь от нормального перекуса. И от пары кружек чего-нибудь согревающего. Этот холод пробирает до костей, даже в броне.

Таверну «У Аргада» искать не пришлось. Она была сердцем, вернее, тёплым, шумным желудком Фортсити. Расположенная в центре, у самой плаца для построений, она представляла собой огромный, приземистый сруб, из трубы которого валил такой соблазнительный дым, что у Вesperа потекли слюнки. Из-за толстых стен доносился гул голосов, смех, звон кружек и редкие, задорные переборы лютни — видимо, те самые барды уже начинали настраиваться.

Внутри их окутала волна тепла, смешанных запахов жареного мяса, пива, пота и влажной шерсти. Помещение было битком набито людьми — солдаты с нашивками разных подразде-

лений, наёмники в пёстрой одежде, несколько гномов с перепачканными землёй руками (шахтёры, без сомнения), местные торговцы. Шум стоял оглушительный.

— Слушай, Веспер, ты пока столик займи, если найдешь, а я пробьюсь к стойке, разузнаю про провиант и, главное, про напитки, — прокричал Грегор, уже протискиваясь к длинной, потемневшей от времени и рук барной стойке.

Веспер, оглушённый гамом, с трудом отыскал свободный угол у дальней стены, где два стула только что освободили ушедшие солдаты. Он сел, с облегчением сняв шлем и положив его на стол. Латы наконец начали согреваться от тепла тела и воздуха. Он наблюдал, как Грегор что-то оживлённо говорит с коренастым, лысым барменом с умным, цепким взглядом — явно сам Аргад.

И тут произошло то, чего Веспер не ожидал. К Грегору, уже взявшему два огромных глиняных кувшина, сзади подошёл молодой, крепкий солдат с щетиной и быстрыми глазами. Он тронул Грегора за плечо, и когда тот обернулся, лицо солдата озарилось таким искренним, ошеломлённым узнаванием, что это было видно даже через толпу.

— Генерал?! Генерал Грегор! Это вы? Клянусь бородой предков!

Грегор обернулся, и на его лице на миг промелькнуло недоумение, а затем — медленное, трудное припоминание.

— А кто спрашивает? — голос его был настороженным.

— Гивул! Я — Гивул! — солдат почти прыгал от возбуждения. — Я был под вашим командованием во время той вылазки, помните? В древние склепы у Ледяного Зуба!

Память, казалось, щёлкнула в глазах Грегора. Уголки его губ дрогнули в подобии улыбки.

— А... ты тот новичок, которому пещерный паук чуть ногу не сожрал? Вытащили тебя тогда с большим трудом.

— Да! Это я! — Гивул засмеялся, и смех его был громким и свободным. — Правда, теперь я уже не новичок. Сержант, между прочим. Опытный солдат.

— Возможно, — кивнул Грегор, и в его тоне зазвучала та самая старшая, наставническая нота, которую Веспер слышал от отца, когда тот говорил с подмастерьями. — С тех пор много воды утекло. И крови тоже.

— Садись ко мне за столик! — Гивул почти потащил Грегора в сторону, к своему столику, где уже сидело ещё двое его товарищей. — И возьми бутылку старого мёда у бармена, я угощаю! Не отказывай старому другу!

Грегор бросил взгляд в сторону Веспера, который наблюдал за этой сценой с любопытством, и едва заметно кивнул: «Жди». — Ладно, — согласился он, обращаясь к Гивулу. — Мой друг немного подождёт.

Веспер видел, как они уселись, как Гивул забрасывал Грегора вопросами. Он видел, как суровое лицо ветерана постепенно оттаивало в этой беседе, как в его жестах проступала забытая легкость. «Где же ты был всё это время?» — донёсся до него обрывок фразы. «Почти везде. Пока не попал в плен к оркам». На лице Гивула отразилось такое неподдельное изумление и ужас, что стало почти смешно. «ОРКАМ?! Оттуда ведь не возвращаются?» — «А мы вернулись». Диалог продолжался, лица обоих стали серьезнее. Гивул кивал, внимательно слушая, а затем снова оживился, что-то рассказывая в ответ.

Спустя добрых полчаса Грегор вернулся к стойке, а затем и к Весперу, неся две дымящиеся миски густой похлёбки с крупными кусками мяса и кореньев и две запотевшие бутылки из тёмного стекла.

— Что-то ты долго, — заметил Веспер, уже успевший изучить все трещины на столе. — Не только за элем и похлёбкой же ходил?

— Встретил старого знакомого, — Грегор поставил еду на стол и тяжело опустился на стул. Его лицо было задумчивым. — Он дал наводку. Каирот, тот самый друг, о котором я

говорил... Он здесь. Вернее, не здесь, а в Штормграде. И занимает пост начальника стражи при самом управителе Штормграда.

— Вот это поворот, — произнёс Веспер, уже набрасываясь на похлёбку. Она была обжигающе горячей, жирной и невероятно вкусной после недель скудного пайка.

— Да, — Грегор отпил из бутылки, и его лицо скривилось то ли от крепости, то ли от мыслей. — Но это не всё. Он спросил про тебя. И самое главное, — он посмотрел на Веспера прямо, — я хотел спросить. Кого или что ты ищешь на самом деле? Мы идём куда-то, но цель ты назвал расплывчато. В таких делах расплывчатость до добра не доводит.

Веспер положил ложку, почувствовав, как тепло еды внутри столкнулось с холодом этого вопроса. Он выдохнул.

— Отца. Его похитили великаны, когда они разорили наш Риверстоун.

Грегора долго смотрел на него, его глаза были тёмными и непроницаемыми. Он отпил ещё глоток.

— И ты правда веришь, что его ещё не... не съели за обедом? Прости за прямоту. Но великаны не известны своим гостеприимством.

Вопрос, который Веспер гнал прочь каждую ночь, прозвучал вслух, и от этого он стал только острее.

— Нельзя терять надежду! — вырвалось у него, больше похожее на молитву, чем на уверенность. — Я должен верить. Иначе... иначе зачем всё это?

— Надежда — хорошая вещь, — медленно сказал Грегор, ковыряя ложкой в миске. — Но против неё — реальность. Великаны — самая сильная раса в мире. Физически. Даже если он жив, если мы придём к ним, просто так, то мы живыми оттуда не уйдём. Нам нужна не надежда. Нам нужно преимущество. Подавляющее.

Веспер почувствовал, как ярость и страх закипают в нём. Он вспомнил сказки у камина в «Пьяном кабане».

— Так что ты там говорил о Святой Броне? — спросил он, цепляясь за эту идею, как за соломинку. — Если это не миф... если она может дать такое преимущество...

Грегора кивнул, словно ожидая этого вопроса.

— Значит, ты решил. Ладно. Значит, идём до конца. Но для начала разберёмся с тем, что у нас уже есть. С моими кинжалами. Для них нужна та самая книга с рунами. И её, возможно, знает где искать мой старый друг Каирот. Или тот историк, который помог мне с переводом.

— Без проблем, — сказал Веспер, и в его голосе снова зазвучала сталь. Путь приобрёл четкие, пусть и невероятные, очертания. Слиток. Книга. Броня. Отец. — Куда дальше?

— В Штормград. Столица. Там и Каирот, и библиотеки, и, возможно, слухи о слитке. Но сначала — выспаться. А завтра — в путь.

Покидая Фортсити, они получили от сержанта Гивула не только информацию, но и практическую помощь — две превосходные меховые накидки, плотные, тёплые, пахнущие дымом. Дорога до Штормграда не была близкой. Они шли по лесным тропам и подножиям заснеженных гор, минуя занесённые снегом руины каких-то древних укреплений. Однажды вдалеке они заметили дымок костра и грубые голоса — вероятно, те самые бандиты, о которых говорил Грегор. Но они, не сговариваясь, выбрали обходной путь, затянувший путь на несколько часов. Лишние стычки были ни к чему.

Когда ночь настигла их, они решили разбить лагерь не доходя до города, в небольшой ложбине, защищённой от ветра скалой и кольцом старых елей. Снег падал густо, беззвучно, большими, пушистыми хлопьями. Они развели небольшой, почти бездымный костёр из сухой смолистой сосны, которого хватило, чтобы растопить снег для воды и чуть согреть руки.

Стальные латы Веспера покрылись тонким, ажурным слоем инея, но под меховой накидкой и толстой поддоспешной рубахой он почти не чувствовал холода. Он сидел, прислонившись к седлу (они приобрели двух выносливых нордлендских пони в Фортсити), и смотрел на

снег, который с хрустальным звоном ломался под его сапогами. Ничего подобного он в жизни не ощущал. Это была не просто погода. Это была стихия. Тихая, всепоглощающая, прекрасная в своём безразличном могуществе. Чувства были странными: одиночество, смешанное с благоговением, усталость — с неким странным покоем. Отец видел такое? — подумал он. Он, который всю жизнь провёл у жара горна?

Грегор, завернувшись в свой плащ, уже почти уснул, его дыхание стало ровным и глухим. А Веспер продолжал смотреть. На тёмное, бархатное небо, где сквозь редкие разрывы в облаках проглядывали холодные, бесстрастные звёзды. На бесконечный, мягкий полог падающего снега, который, казалось, хочет укрыть и защитить, и похоронить всё в этом мире временно. Он смотрел, пока тяжесть век не стала невыносимой, и сон, холодный и чистый, как этот нордлендский воздух, не смыл все мысли, оставив лишь смутное ощущение, что он на краю чего-то огромного и неизведанного.

Глава 11: Старые друзья — новые проблемы часть 1

Сон Веспера был чёрным и бездонным, как воды северного моря. В нём не было образов — лишь ощущение. Ощущение холода, проникающего сквозь сталь, кожу, плоть, прямо в кости. Он метался в забытии, пытаясь согреться у призрачного огня, который то разгорался, то угасал, обдавая его новыми волнами ледяного воздуха.

Он проснулся от того, что не мог дышать. Не от кошмара. От реального, физического мороза, такого плотного, что казалось, легкие сжимаются в ледяные комки. Он открыл глаза. Мир был бел. Не от снега — от инея. Его броня, шлем, лежавший рядом, одеяло, даже волосы на висках — всё было покрыто густым, кристаллическим слоем. Воздух вырывался из рта густыми, почти непрозрачными клубами. Он попытался пошевелиться, и раздался тихий, скрипучий звук — лёд на сочленениях лат треснул.

Что за... Мысль застыла, недодуманная. Такого не было даже в самую холодную ночь. Это был не естественный холод. Это было нападение. Тихое, беззвучное, но неотвратимое.

Он с трудом поднялся, счищая ледяную корку с лица. Костёр давно потух, превратившись в комок чёрного пепла, заиндевевшего по краям. Грегор лежал неподвижно, закутанный в плащ-накидку, которая теперь походила на ледяной саван. Веспер в ужасе протянул к нему руку, но тут же услышал хриплый храп — ветеран спал, лишь его брови и борода побелели от инея. Холод, казалось, не трогал его так яростно, будто щадил или... выбирал.

И тогда Веспер почувствовал его. Не ветер. Направление. Лёгкое, почти неосоздаемое дуновение, которое не гнало снег, а словно вело его, обвивало, подталкивая в спину. Оно было холоднее самого воздуха и при этом разумным. Оно тянуло его прочь от лагеря, прочь от спящего Грегора, вглубь леса, к одинокой, мрачной горе, чей силуэт вырисовывался на светлеющем небе.

Инстинкт кричал: «Разбуди Грегора! Зажги огонь! Борись!». Но что-то другое, более глубокое и древнее, заглушало этот крик. Любопытство? Покорность судьбе? Или тот же гипнотический ужас, что заставляет зайца замирать перед взглядом змеи? Его воля, столь нестигаемая в бою, дрогнула перед этой безличной, природной силой.

Куда? — спросил он мысленно ту самую силу.

Ветер, в ответ, усилился на мгновение, леденящий щеку, и снова ослаб, указывая направление. Дорога на Штормград была левее. Ветер вёл его в сторону от неё, к подножию той самой горы.

Веспер взглянул на спящего Грегора. Если это ловушка — пусть хотя бы он выживет. Эта мысль, странно благородная и отчаянная одновременно, подтолкнула его к решению. Он взял меч, оставив почти всё остальное. Надел шлем, с которого осыпались ледяные иглы. И пошёл.

Он не сопротивлялся. Он позволил ледяным пальцам ветра вести себя по заснеженной тропе, которая, казалось, появлялась под его ногами сама собой. Снег хрустел иначе — не под сапогом, а внутри него, будто каждый шаг ломал хрупкие кости зимы. Чем выше он подни-

мался, тем тише становился мир. Исчез скрип деревьев, пропали далёкие звуки леса. Осталось лишь его дыхание, биение сердца и этот немой, направляющий холод.

И тогда на вершине, на фоне начинающей розовесть полосы зари, он увидел Силуэт.

Не человек. Во всяком случае, не совсем. Высокая, худая фигура в струящемся одеянии цвета зимнего неба перед самым рассветом — синем, почти черном, но с золотыми искрами-узорами, мерцавшими, как далёкие звёзды. Длинный плащ с капюшоном, наброшенный на голову, скрывал лицо. Эта фигура не стояла — она парила в сантиметре от обледеневшего камня, будто невесомая. И была центром тишины и холода.

Веспер остановился. Рука сама легла на рукоять меча, но не вытаскивала его. Он чувствовал — сталь здесь бессильна.

— Кто ты? — его голос прозвучал громко, грубо, разбив хрустальную тишину, и тут же был поглощён всё тем же безмолвием.

Силуэт медленно повернулся к нему. Из-под капюшона не было видно лица — лишь сгусток теней, в глубине которых мерцали две точки холодного, синего света, как отражение льда в бездонном колодце.

— Я тот, кто ждал тебя, — прозвучал голос. Он не приходил из одной точки. Он возникал в самой голове Веспера, обволакивая сознание, как мороз узором на стекле. Глубокий, мелодичный, полный бесконечной, одинокой печали. — Я Хранитель этого места и знаю, зачем душа твоя, ещё не осознав того, привела тебя на этот порог.

Веспер почувствовал, как мурашки побежали по спине. Это не было страхом перед физической угрозой. Это был страх перед чем-то безмерно более древним и чужеродным.

— И зачем же? — заставил он себя спросить, сжимая рукоять так, что пальцы онемели.

— Чтобы узреть истину, — отозвался голос, и в нём зазвучала нота, похожая на звон ледяных сосулек. — Истину, что сокрыта под покровом вечного снега и охраняется дыханием северного ветра. Она ждёт тебя. Готов ли ты, дитя пылающего горна и мирной земли, взглянуть в лицо тому, что старше твоих городов, твоих королей, твоей надежды?

Вопрос повис в воздухе. Веспер думал об отце, о броне, о клятве. Всё это казалось таким мелким, таким сиюминутным перед лицом этой вечной, ледяной тайны. Но именно ради этой «мелочи» он пришёл так далеко.

— Да, — выдохнул он, и его собственный голос показался ему детским. — Я готов.

— Тогда следуй, — произнесло существо и, не делая ни шага, поплыло вперёд, к почти вертикальной скальной стене. Камень перед ним расступился беззвучно, образовав чёрный, поглощающий свет проход в недра горы.

Веспер, преодолевая последние остатки инстинкта самосохранения, шагнул в эту темноту. Как только он пересёк порог, проход сомкнулся за его спиной, но не с грохотом, а с тихим шелестом, будто завеса из льда упала. Он оказался в полной, абсолютной тьме. Холод внутри был ещё сильнее, но теперь в нём не было враждебности. Была лишь... концентрация. Чистота.

Он шёл вперёд, протянув руку, но стены не было. Пол под ногами был идеально гладким и холодным, как отполированный лёд. И вскоре впереди забрезжил свет. Не тёплый свет факела, а холодное, фосфоресцирующее сияние, исходившее от самого камня.

Он вышел в помещение, от которого перехватило дыхание. Это был не склеп, не пещера. Это был Храм. Огромный зал, высеченный в сердце горы. Стены и пол были из чёрного, отполированного до зеркального блеска базальта, в котором отражалось призрачное свечение. Свечение исходило от сотен ледяных сталагмитов и сталактитов, сросшихся в колонны, — они сияли изнутри голубоватым светом, как гигантские хрустали. В центре зала, на возвышении, стояла статуя — точная копия того силуэта, что встретил его на вершине. Её черты под капюшоном были чуть более явными: благородные, острые, но лишённые всякой теплоты, высеченные из синего оникса.

Вокруг, на каменных плитах-пюпитрах, лежали книги. Десятки, сотни толстых фолиантов в переплётах из странной, мерцающей кожи и тончайшего, почти прозрачного пергамента. Но время здесь не пощадило ничего. Большинство книг рассыпались в труху, их страницы слиплись в мёрзлые, хрупкие блоки, испещрённые выцветшими, нечитаемыми рунами. У подножия статуи стояли низкие алтари из того же чёрного камня, а на полу валялось несколько монет — не золотых и не серебряных, а из тусклого, белого металла, который он не мог опознать. Они были покрыты странными, геометрическими узорами.

— Как тебе в моей... скромной обители? — Голос зазвучал снова, но теперь невозможно было определить его источник. Он наполнял собой весь зал, вибрируя в самой кости.

Веспер обернулся, пытаясь найти хоть что-то.

— Кто ты на самом деле? И где ты? — его эхо раскатилось по залу и замерло, поглощённое тишиной.

— И правда, — послышалось в ответ, и в тоне сквозила бескрайняя, утомлённая печаль. — Меня забыли. Имена мои стёрлись из молитв и летописей. И поэтому ты, путник из иного мира, не можешь знать, кто я. Я — тень бывшего почитания. Шепот в метели.

— Что это за место? — спросил Веспер, всё ещё пытаясь осмыслить масштаб.

— Когда-то это был Мой храм. Здесь звучали гимны, горели огни, приносились дары. Люди, эльфы, даже суровые обитатели севера приходили сюда, ища утешения в холоде, ясности в одиночестве, силы в немоте зимы. Но удел смертных — забвение. Их жизнь — вспышка мошки над пламенем. Они перестали знать своих богов, отвернулись от одних и вознесли других. Я стал ненужным. — В голосе послышался ледяной шелест, похожий на вьюгу за окном. — Ты... первый, с кем я говорю за последние пять тысячелетий. Первый, кто услышал зов и не убежал в страхе.

Веспер почувствовал, как холод проникает уже не в тело, а в душу. Одиночество, исходившее от этого голоса, было страшнее любой ярости.

— Ты так и не сказал, как мне тебя называть.

Наступила пауза. Казалось, само существо забыло своё имя.

— И'скрам, — наконец прошелестело оно, и с этим словом в воздухе запахло инеем и старой, вечной печалью. — Зови меня И'скрам. Когда-то меня величали Богом Ясного Неба после Бури, Хранителем Безмолвных Вершин, Отцом Ледяного Спокойствия... Теперь достаточно и этого. Бога холода и одиночества.

— Я, пожалуй, пойду, — выпалил Веспер, внезапно осознав весь ужас ситуации. Он говорил с богом. Забытым, обиженным, бесконечно одиноким и, возможно, от того безумным богом. — Меня ждёт друг. Мы... у нас есть путь.

— НЕТ! — Голос грянул, как обвал ледника. Не яростью, а непререкаемой, абсолютной волей. И в тот же миг выход, через который он вошёл, с грохотом завалило глыбами чёрного базальта. — Просто так ты не покинешь это место, дитя пламени. Ты пришёл по зову. Ты принял приглашение. И теперь есть цена.

Веспер отпрянул, выхватывая меч. Но что он мог сделать против камня и воли божества?

— Когда последний жрец забыл моё имя, — продолжал голос, уже мягче, но от этого не менее неотвратно, — я... разочаровался. Я погрузил земли, что некогда лежали у моих ног, в сон. В вечный холод. Вы называете это Нордлендом. Я сделал это не из мести. Из печали. Чтобы мир вокруг хоть как-то соответствовал моей душе. Но даже печаль может устать. Мне нужен... голос. Проповедник. Тот, кто понесёт память обо мне.

— Я не жрец! Я кузнец! Воин! — взорвался Веспер.

— Именно потому ты и подходишь, — в голосе И'скрама прозвучала почти что улыбка. — Ты несёшь в себе жар и решимость. Ты знаешь, что такое долг. Возьми это. — На одном из алтарей возникли два предмета. Небольшая статуэтка — точная, но миниатюрная копия центральной статуи. И рядом — книга в переплёте из бледно-голубой, мерцающей кожи, а также

амулет на серебряной, холодной как лёд цепочке. Амулет был в виде кристалла льда, внутри которого пульсировал слабый свет. — Отнеси статуэтку в главный храм богов в Штормграде. Установи её среди прочих. Пусть хоть тень моего лика вновь увидит свет чужих свечей. А за это... я дарю тебе эту книгу. В ней — знания о холоде, которые могут служить и щитом, и клинком. И мой амулет. Он будет хранить тебя от стужи и чужой магии льда. Но помни: связь теперь двусторонняя.

Глыбы у выхода бесшумно раздвинулись, открыв путь обратно в серый, зимний рассвет. — Теперь иди. И выполни обещание.

Веспер, не в силах вымолвить ни слова, на автомате подошёл, взял ледяные артефакты. Книга была неожиданно лёгкой, амулет — холодным, но не обжигающим. Он чувствовал, как его разум отчаянно сопротивляется, но тело уже повинует. Он кивнул в пустоту и почти побежал к выходу.

Он выбежал из чёрного провала, и тот сомкнулся за его спиной, превратившись обратно в неприступную скалу. Он стоял, тяжело дыша, на коленях, сжимая в руках дары забытого бога. Утро было в разгаре. Холод отступил до обычного, нордлендского уровня.

Спустя полчаса он, сбившись с ног, нашёл лагерь. Грегор уже был на ногах. Его лицо, обычно невозмутимое, было искажено смесью ярости и беспокойства. Увидев Веспера, он замер, его взгляд скользнул по броне, заиндеветшей иначе, по лицу, по предметам в руках.

— Где, чёрт возьми, ты пропадал?! — его голос был тихим, но от этого только опаснее. — Я проснулся — тебя нет, костёр мёртв, вокруг лёд в июле! Я уже думал, тебя тролли утащили или духи!

Веспер опустился на камень, вдруг почувствовав дикую усталость.

— Знаешь... я и сам не особо понял, где был.

— Ты сейчас серьёзно? — Грегор подошёл вплотную, изучая его. — Ты выглядишь так, будто провёл ночь на леднике. В чём дело?

— А что тогда у тебя в руках? — Грегор ткнул пальцем в книгу и статуэтку.

— Какая-то книга... и статуэтка. Её... нужно отнести в храм богов в Штормграде. — Веспер говорил монотонно, как заученный урок.

Грегор взял у него из рук статуэтку, повертел. Его лицо стало непроницаемым.

— И как я понимаю, ты не скажешь, откуда это и кто тебе это всучил? Кому ты, чёрт возьми, понадобился здесь, в глуши?

— Правильно. Не скажу. — Веспер поднял на него взгляд, и в его глазах Грегор увидел не страх, а некое ошеломлённое, ледяное спокойствие, которого раньше не было. — Не спрашивай. Пожалуйста.

Грегор замер. Он посмотрел на статую, на книгу, на лицо Веспера. Ветеран знал, когда человек лжёт, а когда говорит правду, скрывая нечто большее. Он тяжело вздохнул, отдавая статуэтку обратно.

— Ладно. Пока ладно. Но в Штормграде мы с этим разберёмся. А сейчас — двигаем. Пока ты тут с призраками водился, я следы видел — волчьи, и не мелкие. Идём.

Они собрали лагерь в гробовом молчании. Веспер чувствовал холод амулета на груди под бронёй. Он был не просто физическим. Он был напоминанием. Договор был заключён. И теперь ему предстояло выполнить свою часть, войдя с этим ледяным секретом в самый непригласительный город самого холодного края.

Глава 12: Старые друзья — новые проблемы часть 2

Штормград не просто встретил их — он бросил им вызов. Он был не городом, а продолжением горы, цитаделью, выросшей из скального монолита и вечного льда. Величественная стена, сложенная из громадных, почерневших от времени и непогоды базальтовых глыб, опоясывала его, повторяя изгибы горного плато. По гребню стены, едва различимые на фоне свинцового неба, маячили фигуры стражников. Они не просто стояли — они вмерзали в ландшафт,

их силуэты были статичны и незыблемы, как ледяные торосы. Грегор хмыкнул, указывая на них.

— Видишь рога на их шлемах? Дешёвые панты. Символ «мощи и ярости нордлендского воина». — В его голосе сквозило откровенное презрение. — Большинство из них ни разу не видело настоящего боя. Стоят, мёрзнут и важничают. Короче, с этим рогатым скотом буду разговаривать я. Ты стоишь рядом и молчишь. Ясно?

— Хорошо, — кивнул Веспер, сжимая в руках свёрток со статуэткой И'скрама. Холод от неё, казалось, проникал сквозь ткань. Он чувствовал её, как незаживающую рану, как клеймо.

Они подошли к главным воротам. Это были не просто створы — это были башни-близнецы, между которыми висела массивная решётка из кованого железа, покрытая сосульками, как бородой. Сами ворота, из цельных пластов морёного дуба, окованных чёрным металлом, были испещрены зарубками, вмятинами от таранов, тёмными пятнами, в которых Веспер с ужасом узнавал следы давней крови и смолы. Эта дверь повидала осады.

Один из стражников, более рослый, с рогами, загнутыми особенно вызывающе, шагнул вперёд, перекрестив алебардой их путь. Его лицо, обветренное и глупое, выражало тупую уверенность в своей власти.

— Город закрыт для непрошенных гостей, — прокрипел он, не глядя им в глаза. — Убывайте.

Грегор даже не изменился в лице. Он сделал ещё шаг, так что остриё алебарды оказалось в сантиметре от его груди.

— Жаль только, что хлебало у тебя открыто, рогатый ты ублюдок, — его голос был спокоен, как поверхность ледяного озера.

Стражник аж попятился от такой наглой прямоты. Его лицо покраснело.

— Неуважение ко мне — неуважение к закону и к королю Нордленда!

— Какое уважение можно проявлять к человеку, который стоит, продрогший и ничтожный, и думает, что, прикинувшись гвоздём в этой дыре, он защищает людей и короля? — Грегор говорил не повышая тона, но каждое слово било, как молот. — Ты не защитник. Ты — ширма. Огородное пугало, которое ещё и пищит. Настоящие воины либо пали на границе, либо гниют в каменных мешках Вольных Земель, как я. А ты — просто ничтожество в декорациях.

К стражнику подошли ещё двое. В их глазах читалась не столько ярость, сколько растерянность. Так с ними не разговаривали.

— Моё терпение кончилось! — взревел первый, заноса алебарду для удара.

Он не успел её опустить. Грегор двинулся с пугающей для его комплекции скоростью. Он не стал выхватывать меч. Он просто рванулся вперёд, внутри дистанции алебарды, схватил древко и рванул его на себя, одновременно нанося короткий, сокрушительный удар головой в переносицу стражника. Раздался хруст. Человек захрипел и рухнул. Грегор выхватил у него из ослабевших рук алебарду и швырнул её далеко в снег.

Он повернулся к остальным, его дыхание ровное, а глаза холодны, как сталь.

— Я когда-то носил такие же рога, — сказал он тихо, но так, что было слышно каждому. — Я был капитаном. И в отличие от вас, кукольных солдатиков, я истреблял бандитов и эльфов в этих самых горах. Отражал набеги оборотней с восточных долин. Выковыривал некромантов из их склепов, где воняло так, что и после бани не отмоешься. А вы? Вы не можете впустить двух усталых путников, один из которых служил этой земле, пока вы в пелёнках мочились! На вас жалко смотреть! Вы не герои. Вы — позор на гербе, который вы носите!

Второй стражник, молодой парень, в чьих глазах уже не было злобы, а лишь страх и стыд, молча отступил к массивному штурвалу. С скрежетом и лязгом тяжёлые механизмы начали поворачиваться, и чудовищные ворота, с скрипом, будто нехотя, стали расходиться.

Грегор толкнул Веспера в образующуюся щель.

— Входи. И не оглядывайся.

Штормград внутри был таким же суровым, как и снаружи, но в этой суровости была своя, железная логика. Узкие, мощённые грубым камнем улицы взбирались вверх по склону. Дома, сложенные из тёмного дерева и камня, имели покатые, почти отвесные крыши, с которых постоянно счищали снег. Воздух пах дымом, хвойной смолой, ледяной пылью и... деньгами. Это был город контрастов: рядом с лачугами возвышались солидные, охраняемые дома купцов, торгующих мехами, рудой и легендами. Люди спешили по своим делам, закутанные в меха, их лица были закрыты от ветра и чужих взглядов. Приветливости здесь не продавали.

Грегор, казалось, ориентировался здесь с закрытыми глазами. Он вёл Веспера вверх, к центральному утесу, где нависал замок управителя — не дворец, а крепость в крепости, с глухими стенами и узкими бойницами.

Пока они шли по улицам Штормграда, Грегор, желая отвлечь Веспера от давящей атмосферы и своих мрачных мыслей, начал рассказывать. Не о текущих делах, а о корнях. О том, как появился этот остров в их жизни.

— Ты из Стоунстейта, — сказал Грегор, его голос, приглушённый ветром, звучал как голос сказителя у огня. — Ты знаешь имя Родера. Но знаешь ли ты, что это был за человек? Не просто король. Он был последней надеждой.

И под скрип вывесок и завывание выюги, история оживала.

Родер Великий не искал новых земель из жажды славы. Его мир, архипелаг Адалора, умирал. Великий Разлом — не война, а сама земля, восставшая против живущих на ней, — раскалывал континенты, поглощая города и леса пучинами кипящей магмы и ядовитого пара. Последний флот, собранный из обломков цивилизации, был под его началом. На борту — не воины-завоеватели, а ремесленники, земледельцы, учёные, дети... и отчаяние. Они плыли в туман, на север, по намёкам звёзд и древним, полустёртым картам, говорящим о «большой земле за краем мира».

Когда сквозь пелену тумана и дождя показались тёмные, неприветливые скалы нового острова, на палубе не было ликования. Был леденящий душу ужас. Потому что на берегу их уже ждали. Догуры. Не дикари, а народ, чья культура была высечена из этого камня, чья магия говорила с духами ветра и вулканов. Они не напали сразу. Они наблюдали. А потом предложили договор. Землю — в обмен на знания. На металлы, на корабли, на письменность.

Родер согласился. Первые месяцы были временем хрупкого мира. Поселение Нью-Адалор (позже — Стоунстейт) росло. Но трещина пролегла глубже, чем в земле. Она была в душах. Люди Родера, спасшиеся от гибели, смотрели на догуров не как на равных, а как на диковинку, на препятствие. Страх рождал презрение. А догуры видели, как чужаки рубят священные рощи, роют шахты в живых скалах, приносят с собой своих богов и законы. Они видели угрозу своему миру.

Конфликт назревал, как гроза. Искрой стал не урожай, не женщина, а магия. Маги Созидания из свиты Родера, изучая местные ритуалы, объявили магию догуров «грязной», «первобытной», «оскверняющей чистые арканы». Они потребовали её запрета. Догуры восприняли это как объявление войны всему, что они есть. Мир рухнул в один день.

То, что последовало, не было битвой. Это была «Родерская Резня». Не потому, что Родер отдал такой приказ. Потому что он не смог удержать свою орду напуганных, ожесточившихся людей. Когда первая стычка у священного источника переросла в бойню, цепи дисциплины лопнули. Солдаты, помнящие гибель своих миров, видящие в каждом догуре воплощение той стихии, что уничтожила их дома, не брали пленных. Это был панический, животный геноцид.

Родер, в ужасе, пытался остановить своих. Но волна ненависти была сильнее. Говорят, в последний день, когда догуры, оставшиеся в живых — десять вождей самых сильных кланов — были приведены к нему в оковах, он не мог смотреть им в глаза. Он приговорил их не к смерти, а к вечному изгнанию. Их посадили на утлый плот без вёсел и отправили в открытое

море, в сторону ничего. «Пусть море или боги решат вашу судьбу, ибо я уже не вправе», — сказал он, как гласит легенда.

Победа не принесла покоя. Родер стал королём Стоунстейта и, по голосованию других лидеров выживших, Гранд-Лордом всех новых земель. Но он правил царством призраков. Тень десяти вождей и их народа легла на его душу и на душу всего нового мира. Он посвятил остаток жизни попыткам построить справедливое общество, кодекс законов, где подобное не повторится. Он умер, как многие великие, — сломленным, не найдя прощения ни у богов нового мира, ни у призраков старого.

А легенда о Гробнице Родера и его регалиях — огромном мече «Разрушитель Оков» и короне «Бремя Правды» — родилась из этой тоски. Говорили, он спрятал их, ибо никто, запятнавший руки такой ценой, не достоин символов высшей власти. И что тот, кто найдёт гробницу и предъявит права на реликвии, должен будет доказать, что он мудрее, чище и сильнее духом, чем сам Родер. С тех пор многие искали. Никто не нашёл.

Современный мир вырос на этом фундаменте из крови и вины. Нынешний Гранд-Лорд, Алрих из Стоунстейта, пытался править, помня урок. Но вина — плохой цемент для союзов. Она трескается. И, как думал Грегор, глядя на угрюмые стены Штормграда, эти трещины теперь расходились, угрожая сокрушить всё, что было построено.

— Вот и вся наша славная история, пацан, — закончил Грегор мрачно. — Построена на страхе, залита кровью и скреплена виной. И теперь, похоже, пора платить по старым счетам.

Он умолк, и они шли дальше, уже подходя к казармам стражи, где их ждала встреча с неким другом Грегора. Но в голове Веспера теперь звучал не только вой ветра, но и далёкий плеск вёсел утлого плота, уносимого в никуда. Его личная месть великанам вдруг оказалась частью чего-то несоизмеримо большего — долгой, болезненной истории целого народа, который сам когда-то был и жертвой, и палачом.

— Скоро встретим старого знакомого, — бросил он через плечо. — И потом — в храм. И да... не удивляйся его внешности. В Нордленде все чужие, пока не докажешь обратное. А он доказал. Многократно.

Спустя час, пройдя через несколько внутренних кордонов (где Грегору снова пришлось использовать свой грозный вид и полузабытые пароли), они оказались во внутреннем двореке казарм стражи. И здесь их ждал он.

Он вышел из-под каменной арки, и Веспер невольно отступил на шаг. Это был не просто высокий человек. Это была гора плоти, мускулов и шрамов. Ростом под два с половиной метра, с плечами, в которые, казалось, можно впрячь повозку. Его лицо было типично человеческим — широким, с умными, пронзительными глазами и густой, тёмной бородой. Но из-под нижней губы проглядывали массивные, подпиленные, но всё ещё внушительные клыки. Кожа на руках, не защищённая доспехами стражи управителя, была грубой, сероватого оттенка. Полу-орк. Каирот.

Увидев Грегора, его лицо не выразило ни радости, ни удивления. На нём застыла смесь изумления, раздражения и глубочайшей усталости.

Увидев Грегора, лицо Каирота не выразило радости. На нём застыла смесь изумления, раздражения и глубочайшей, застарелой усталости, будто он увидел не старого друга, а ходячее напоминание о своей же глупости.

— Грегор, — произнёс он. Голос был низким, гулким, как перекачивание пустых бочек в каменном подвале. — Чёрт. Глазам не верю. Сколько зим, сколько лет прошло... а ты, я смотрю, вовсе не изменился. Только морщин прибавилось да наглости.

Грегор же, напротив, расплылся в широкой, бесстыжей ухмылке. В его глазах искрилось неподдельное, озорное удовольствие.

— Не могу сказать о тебе того же, Каирот, — парировал он, и в его тоне звучало то самое фамильярное уважение, которое возникает между людьми, не раз ходившими рядом со

смертью. — Вижу, дослужился. Телохранитель самого управителя. Поздравляю. Хотя, смотрю, бремя почётное не особо тебя радует.

— Бремя? — Каирот фыркнул, и это звучало как выхлоп из кузнечных мехов. — Бремя — это пятнадцать золотых! Пятнадцать золотых, которые ты у меня занял под «срочное дело» и с которыми испарился на шесть лет! Где ты шлялся, старый вор? На них состояние сколотил, что ли? Или просто прокутил в каких-то южных тавернах? — В его словах не было ярости — лишь привычная, заскорузлая, как старый шрам, обида. Обида не на пропажу денег, а на прерванную дружбу и забытое доверие.

Грегор вздохнул театрально, разводя руками.

— Заблудился, Кай. Честное слово. В Вольных Землях... Среди очень, очень гостеприимных местных племён.

Каирот закатил глаза, и этот жест на его исполинском лице выглядел гротескно.

— Только не говори...

— Да, я к твоим родственникам попал, амбал ты тупоголовый! — Грегор рассмеялся, и это был первый по-настоящему свободный, почти мальчишеский звук, который Веспер от него слышал. Но в смехе этом слышалась и горечь. — И знаешь что? Они оказались куда более... прямолинейными кредиторами. Так что считай, твои золотые спасли мне шкуру. А ты всего каких-то пятнадцать монет простить другу не смог! Скупердяй законченный!

На лице Каирота сыграли мышцы. Он сделал шаг вперёд, и земля, казалось, дрогнула под его тяжестью.

— Я тебе сейчас калитку снесу, опоссум ты дрянной! — проревел он, но в его глазах, среди ярости, мелькнуло что-то вроде облегчения. Старый пес жив. Долг — живой. — И сделаю из обломков наручники, чтобы ты больше никуда не смылся!

— Так уж и быть, — Грегор отмахнулся, как от назойливой мухи, но его улыбка не исчезла. — Даю тебе шанс искупить свою скаредность и вернуть долг... ну, так сказать, услугой. Слышал, у вашего наместника или в его пыльных архивах есть информация о местонахождении Слитка Морских Глубин. Узнай всё, что сможешь. Для благого дела.

Каирот замер. Он посмотрел на Грегора, потом на Веспера, потом снова на Грегора. Затем медленно, с явным усилием сдерживаемого гнева, поднял руку и потер переносицу.

— То есть ты хочешь сказать, — начал он тихо и очень чётко, — что ты задолжал мне денег, исчез почти на десять лет, не прислал ни одной весточки, и первое, что ты делаешь, явившись как ни в чём не бывало — это пытаешься заставить меня ещё и в долги полезть ради какой-то твоей новой авантюры?.. Ты ли не охреневший, наглый, бесстыжий, голимый чёрт?!

— Да это не для меня! — Грегор показал большим пальцем на Веспера, всё ещё ухмыляясь. — Для него. Для моего товарища. Его отца похитили великаны.

Каирот уставился на Веспера. Его взгляд, тяжёлый и оценивающий, скользнул по его лицу, броне, задержался на юном, но твёрдом выражении. Он видел там решимость, но видел и наивность.

— И что? — спросил он наконец, и в его голосе появилась усталая снисходительность. — Вы собрались вдвоём, как герои баллад, штурмовать их пещеры? Это даже не самоубийство, парень. Это — карикатура на самоубийство.

— Вот объясни мне, — обратился Каирот обратно к Грегору, — кто научил тебя придумывать настолько идиотские, немыслимо глупые отговорки, чтобы не возвращать долги? «Мне деньги для друга, его папу великаны украли». Мать твою! — Он вдруг рассмеялся, но смех был жёстким, безрадостным, как скрежет железа. — А ещё дракона приручить не забудьте! И луну с неба достать! Ахахаха! А и про оружие из белого золота не упустите! Просто золото отдай и проваливай!

В ответ повисло злобное, упрямое молчание. Грегор не смеялся. Веспер смотрел прямо, не отводя глаз, чувствуя, как жар обиды заливают его щёки.

— Во-первых, — продолжил Каирот, остывая, — Святая Броня — это миф! Сказка для поднятия духа у зелёных новобранцев! А во-вторых... — его голос стал тише, почти жалостливым, когда он снова посмотрел на Веспера, — парень, извини за прямоту, но твоего отца, если его и правда взяли, на похлёбку в тот же день, скорее всего, пустили. Великаны не благотворительные приюты содержат. Они — печки. Очень большие и очень голодные.

— Так ты поможешь? — не отступал Грегор, и в его вопросе теперь звучала не наглость, а вызов.

— Капец, вы два лопуха! — Каирот снова завёл было, но замолчал, увидев, как Грегор медленно, с торжеством фокусника, достаёт из-за спины свёрток и разворачивает два кинжала с молочно-белыми, светящимися изнутри лезвиями.

— Вот тут, мой дорогой и очень обиженный кредитор, ты промахнулся, — произнёс Грегор, и его голос стал деловитым. — Миф мифом, а артефакты — они вот, ощутимы.

Каирот замер. Его дыхание перехватило. Глаза, широко раскрытые, прилипли к лезвиям, отражающим тусклый свет двора. Он сделал шаг ближе, протянул руку, но не посмел коснуться, будто боялся, что видение рассыплется.

— Н-н-не может быть... Это... Где?..

— На барахолке, — невозмутимо солгал Грегор, наслаждаясь эффектом. — У твоих... родственников. Находка для истинного ценителя старины и качественной стали.

— Ты задрал намекать на моё происхождение! — рявкнул Каирот, но его гнев был наполовину бутафорским, взгляд так и не отрывался от белого золота. — Я не виноват, что моя мать, добрая, слишком добрая душа, пожалела какого-то подраненного орка-изгоя, которого свои же вышвырнули умирать! Это единственное, чем тебя, старого чёрта, можно подколоть, и ты это знаешь!

— Значит, поможешь? — повторил свой вопрос Грегор, уже заворачивая клинки с преувеличенной бережностью.

Каирот тяжело вздохнул, потирая переносицу так, будто хотел стереть с лица досаду и любопытство.

— Ладно. Чёрт с тобой. И с твоим долгом... пока что. Я... постараюсь навести справки. В архивах, среди отчётов упрямых старателей и записок сумасшедших алхимиков. — Он ткнул пальцем в грудь Грегору. — Но если ещё раз, хоть раз, ты в моём присутствии заикнёшься о моей матери или «родственниках»... я тебе не просто хребет сломаю. Я из тебя и этого юнца фарш сделаю, замешаю на овсянке и скормлю дворцовым псам. И буду смотреть, как они едят. Понятно?

— Прозрачно, как горный хрусталь, — ухмыльнулся Грегор, кивая. Долг был если не прощён, то хотя бы отсрочен. А это уже было победой..

Теперь путь лежал в храм. Здание было внушительным, сложенным из светлого, почти белого известняка, который резко контрастировал с тёмным гранитом города. Оно не пыталось быть уютным — оно было величественным, отстранённым, с высокими витражными окнами, в которых вместо святых были изображены абстрактные символы стихий и звёзд. Внутри пахло воском, холодным камнем и сухими травами.

Их встретил главный жрец — Кейн, мужчина лет пятидесяти с тонким, аскетичным лицом и пронзительными серыми глазами, в которых читался не фанатизм, но глубокая, спокойная убеждённость. Он был одет в простые серые робы, перехваченные верёвочным поясом с символом Рогнада — стилизованным деревом, одна половина которого цвела, а другая была обнажённым суком.

— Приветствую вас, путники, — его голос был тихим, но заполнил всё пространство пустого нефа. — Что привело вас в дом богов в такой час?

Веспер, не находя слов, молча протянул свёрток и развернул его, показав статуэтку Искрама.

Эффект был мгновенным. Спокойное лицо Кейна исказилось. Сначала недоумением, затем — узнаванием, и, наконец, чистым, немим ужасом. Он отшатнулся, как от гадюки. Его взгляд метнулся от статуэтки к лицу Веспера, в его глазах читался немой вопрос: «Откуда? Как?». Он молчал долгих пять минут, просто глядя на бюст, будто пытаясь силой воли обратить его в пыль. Наконец, он выдохнул, и голос его был сдавленным:

— О Нём... здесь не говорили. Не вспоминали. И не слышали. Давно.

— Мы хотели узнать... — начал Веспер, но жрец резко прервал его.

— Во-первых: низшим, забытым, изгнанным богам здесь нет места! Их алтари повержены, имена вычеркнуты! Во-вторых... — он сделал шаг вперёд, и теперь в его тихом голосе зазвучала сталь, — унесите это. Сейчас же. И никогда больше не возвращайтесь с ним сюда! И да, кто вы такие вообще, что приносите такое... сюда?!

Грегор нахмурился, наблюдая за реакцией жреца. Но Веспер, чувствуя холод амулета на груди и тот внутренний лед, что поселился в нём после встречи в горе, выпрямился.

— Я — проповедник И'скрама, — сказал он чётко, и даже сам удивился этим словам.

— Чей? Чей ты там проповедник?! — взорвался Грегор. — Какого И'скрама? Ты же кузнец!

— Если ты о Нём не слышал, это не значит, что Его нет, — холодно парировал Кейн, обращаясь теперь к Грегору. — Молчание не отменяет существования. Оно лишь хоронит знание.

— Он просил установить эту статуэтку здесь. Среди других, — добавил Веспер.

Кейн замер. Его взгляд стал проницающим.

— Так ты... контактировал с Ним? Слышал? Видел?

— Да, — коротко ответил Веспер.

Лицо жреца осунулось. В нём появилось что-то вроде профессионального, мрачного интереса хирурга, видящего редкую болезнь.

— Ты даже не представляешь, какое зло, какую глухую, ледяную пустоту ты хочешь впустить в этот мир! Именно И'скрам, в приступе обиды и ярости, погрузил эти земли в вечный снег, из которого Нордленд не может выбраться до сих пор!

— Потому что вы его забыли! — выпалил Веспер, и в его голосе прозвучало неожиданное для него самого убеждение.

— Его не забывали! Его — изгнали! — голос Кейна загремел под сводами, нарушая благоговейную тишину храма. — И на то были веские, страшные причины!

— И какие же? — вклинился Грегор, скрестив руки на груди. Вся эта богословская полемика явно действовала ему на нервы.

Кейн обвёл их обоих тяжёлым взглядом.

— Думаю, вы знаете, что поклонение низшим, стихийным, или, как их ещё называют, «старым» богам, не приветствуется, а в некоторых провинциях и вовсе карается. Они... нестабильны. Слишком близки к силам мира, лишены... сострадания, в человеческом понимании. И'скрам был одним из самых щедрых. И самых опасных. Он одаривал своих избранных артефактами, знаниями о льде и пустоте, которые смертный разум не должен был вмещать. Он влезал в судьбы целых народов. Группа оркских племён на западе, отвергнувших союзную религию и рабовладельческий уклад, создала под Его влиянием целый культ с кровавыми ритуалами! Он не просто давал силу. Он сеял раздор, поощрял изоляцию, а тех, кто отказывался от Его «даров», обрекал на беспросветную, леденящую душу печаль, которая сводила с ума целые поселения!

— То есть Его изгнали... за щедрость? — недоверчиво спросил Грегор.

— За вмешательство, которое могло уничтожить саму ткань разумной жизни! Он не понимает нас! Ему нужны не последователи — эхо Его собственного одиночества! — Кейн выдохнул, снова посмотрел на статуэтку. — Дай угадаю... Он и тебе что-то «подарил»?

— Правильно думаешь, жрец, — подтвердил Веспер.

Кейн долго смотрел на него, будто взвешивая.

— Я не могу установить Его лик в главном зале. Это вызовет... непредсказуемую реакцию у других жрецов, у паствы, у властей. Но... — он замолчал, в его глазах шла борьба. — Есть место. Запретная комната в архивном крыле. Туда имеют доступ только верховные жрецы и придворный маг. Там хранятся свитки и артефакты, связанные с изгнанными богами, запретной магией... Вещи, которые не должны соблазнять неподготовленный ум. Там, среди прочего, есть и пустые ниши. Я могу поместить это туда. Это максимум, на что я могу пойти.

— В каком плане «запретная»? — уточнил Веспер.

— Туда ведёт одна дверь, открываемая сложным ключом-заклинанием. Внутри — только знание, лишённое власти соблазнять. Там сведения о высших и низших богах, их символах, их силе... и о том, как от этой силы защититься, — объяснил Кейн. — Это не алтарь. Это склеп для опасных воспоминаний. Согласен?

Веспер почувствовал, как холодный комок в груди немного ослаб. Это был не триумф, но компромисс. Искрам будет «принят», но упрятан, как смущающая реликвия. Он кивнул.

— Я согласен на твоё предложение, жрец.

— Да будет так, — Кейн взял статуэтку, держа её двумя пальцами, как нечто ядовитое. — И помни, путник... то, что дано холодом, может быть отнято лишь большим холодом. Ты вступил на скользкий путь.

Он развернулся и ушёл вглубь храма, его серые robes растворились в полумраке. Веспер и Грегор молча вышли на заснеженную улицу. Ветер снова завыл, но теперь он был просто ветром. Ледяное давление, сопровождавшее Веспера с горы, исчезло. Осталось лишь смутное ощущение долга, выполненного наполовину, и тяжёлое знание, что где-то в сердце этого сурового города теперь лежит, запертая, частица того древнего, печального холода, с которым ему предстояло жить дальше.

Глава 13: Совет

Все провинции острова Родера входили в Чернокаменный союз, которым управлял верховный лорд. Раз в год правители всех земель, включая эльфов (которые формально не состояли в Союзе), собирались на общий совет для решения насущных проблем. Исключение составляли лишь Вольные земли — лишённые городов и центральной власти, они не признавались остальными государствами.

Как раз в то время, когда Веспер и Грегор находились в Штормграде, в столице Стоунстейта проходило это важное собрание. По древней традиции, совет всегда проводился в провинции действующего верховного лорда. Этого правила неукоснительно придерживались со времён окончания Великой войны, когда объединившиеся на время тёмные и лесные эльфы сошлись в битве с Чернокаменным союзом. Конфликт завершился изнурительным миром, и с тех пор эльфам был дарован голос на совете, но не место в Союзе.

В роскошном тронном зале, под сенью знамён с гербами всех провинций, собрались владыки Родеры. Среди них были: Алрих, король Стоунстейта и нынешний верховный лорд; Ролаф, суровый король Нордленда; Али-аль-Рашид, блистательный султан Дезертстейта; Орион, могущественный король Гиганттауна; Хэдвин, король Пентерхолда; Намиор, король Флеттенхолда; Янрик, король Осадалиса; Вейвер IV, владыка тёмных эльфов; Патринар Экри, правитель лесных эльфов; и Кондор, король Междуречья.

— Итак, совет объявляю открытым! — провозгласил Алрих, и его голос эхом разнёсся по залу.

Первым поднялся Вейвер IV, его бледное, аристократичное лицо было бесстрастным.

— Я вношу предложение переименовать остров Родера, — заявил он. — Негоже называть наши земли в честь убийцы и расиста! Что плохого сделал ему народ Догура? Будет справедливо дать острову имя настоящих героев.

Едва он закончил, как Ролаф, король Нордленда, с силой ударил кулаком по столу. Его лицо побагровело от ярости.

— Как ты смеешь такое говорить, красноглазый ублюдок?! — проревел он. — Алрих, на кой чёрт ты вообще допустил этих остроухих выроdkов до нашего совета? Каждый год один из них несёт такую ересь! Десять лет я терпел, но теперь ты, Алрих, не тот мальчишка, каким был. Ты — Верховный лорд! Пора принимать правильные решения! Сегодня они хотят стереть нашу историю, а завтра что? Предложат выселить людей из их же домов? И ты согласишься, прячась за ширмой мира?

Ролаф встал, его могучая фигура возвышалась над столом. В его глазах горел огонь старой ненависти.

— Мы побеждали в той войне! Мы могли стереть вас с лица земли, но проявили милосердие! А я-то знаю, чего вы стоите! Я был легатом, и мой отряд попал к вам в плен. Вы резали глотки моим солдатам по одному в день! Из шестидесяти человек сбежали лишь пятеро! А знаете, что вы делали с телами? Не хоронили, не сжигали — раздевали догола и скидывали в ямы на всеобщее обозрение! И при этом хлопали и радовались! Радовались чужой смерти, чужому горю! И после этого вы смеете называть нашего героя убийцей? Да кто вы такие, чтобы мы вас слушали?!

— Это возмутительно! — вскричал Патринар Экри, вставая в защиту сородича.

— Возмутительно? — рыкнул Ролаф. — Тогда, думаю, только могила исправит таких, как вы!

Что было дальше, произошло в одно мгновение. Рука Ролафа метнулась за пазуху, и в следующую секунду боевой топор с оглушительным свистом вонзился в грудь Вейвера IV. Удар был столь сокрушителен, что голова владыки тёмных эльфов отлетела прочь, а его обезглавленное тело рухнуло на стол, заливая древний дуб кровью.

В зале повисла гробовая тишина, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием Ролафа.

— Ролаф! Что ты натворил?! — первым опомнился Алрих, вскакивая с трона. — Я, как Верховный лорд, лишаю тебя титула короля Нордленда за твоё преступление против Союза и всех его законов!

Ролаф хрипло рассмеялся, вытирая окровавленные руки.

— Подожди, малой. Забыл сказать: раз в вашем союзе не уважают честь обычных людей, тогда Нордленд выходит из состава Чернокаменного союза и становится независимой страной! Мы, народ северных гор, больше не подчиняемся мягкотелому верховному лорду и не намерены лизать жопу эльфам! Всё! Прощайте!

— Народ песков согласен с Ролафом, — холодно произнёс Али-аль-Рашид, поднимаясь. — Дезертстейт тоже выходит из союза.

— Да здравствует независимость в Междуречье! — выкрикнул Кондор. — Ой, то есть мы тоже выходим.

— Чтоб на тебя валун упал, Алрих! Эльфам проданся! — проревел Хэдвин. — Пентерхолд выходит из союза!

Одни за другим короли вставали и покидали зал, их шаги отдавались эхом в звенящей тишине. Так, в одно мгновение, величайший союз Родеры раскололся надвое.

Гибель Вейвера IV, не оставившего наследника, заставила тёмных эльфов в срочном порядке объединиться с лесными сородичами в новое государство — Элфтенхолд. Ирония судьбы заключалась в том, что теперь, когда главный противник их членства в Союзе лежал мёртв, Элфтенхолд был наконец-то принят в Чернокаменный союз.

Что же до Вольных земель, то Ролаф, желая насолить Алриху, отправился туда. Ему удалось найти разрозненные поселения орков, централизовать их и даже организовать выборы. Так на карте появилось новое государство — Вольноземье. Его столицей стал Намкуш, быв-

ший рабовладельческий рынок, а первым королём — Холг, поклявшийся поднять свою страну с колен.

Глава 14: Тот кого никогда не зовут.

После рокового совета Алрих окончательно погрузился в пучину отчаяния. Его авторитет был бесповоротно подорван, а величайший союз, державшийся веками, рассыпался на глазах. Он сидел в своей библиотеке, в почти полной темноте, и лишь тусклый свет угасающего камина выхватывал из мрака его осунувшееся лицо. Мир рушился, и он не знал, что делать.

Внезапно из самого тёмного угла комнаты, где не должно было быть ни души, раздался голос. Он был изменчивым, текучим, словно несколько сущностей говорили разом.

— Ах, Алрих, Алрих... — проскрипел старческий, высохший как лист шёпот.

— Всё потерял! — тут же, словно эхо, прозвенел детский, насмешливый голосок.

— Последняя надежда на мир угасает, — мрачно и сурово добавил бас.

Алрих вздрогнул и вскочил с трона.

— Кто здесь?! Как вы проникли в мои покои?

Тень в углу зашевелилась, и из неё вышел... никто. Воздух сгустился, и голос зазвучал уже единым целым, низким и вкрадчивым, доносясь будто из самой его головы.

— Я здесь куда дольше тебя, друг мой. Я навещал твоего отца... и деда... всегда, когда они вот-вот были готовы всё разрушить. И знаешь, что объединяло их всех? После нашей беседы они умирали.

— Мне нечего бояться, — попытался сохранить достоинство Алрих, но его голос дрогнул. — Я и так уже всё потерял. Я допустил раскол! Нордленд и Дезертстейт — это фундамент Союза! Какой дом устоит без основания?

— Именно поэтому ты здесь, неудачник, — голос снова изменился, став пронзительным и язвительным. — Иначе б я не пришёл. Но я могу помочь. Правда, взамен потребую многого. Готов ли ты довериться незнакомцу?

— Что ты хочешь? — сдавленно спросил король.

— Твою душу.

У Алриха перехватило дыхание. Но в его отчаянии родилась странная надежда.

— Погоди... Ты сказал, бывал у моего отца и деда? Их души... у тебя?

Тень снова исторгла из себя новый голос — тёплый, знакомый, отеческий, от которого сжалось сердце Алриха.

— Да, дитя моё. Они здесь, со мной.

— Так кто же ты?! — вскричал Алрих, чувствуя, как его рассудок трещит по швам.

— У меня много имён, — ответило существо, и теперь его голос был голосом самого Алриха, но только старше и уставше. — Но для тебя... я — друг.

В этот миг отчаяние перевесило страх. Что ему терять, кроме собственной души, когда он уже потерял всё остальное?

— Я согласен. Что ты предлагаешь?

— Слыхал, конечно, о гробнице Родера Великого? — прошептал друг, и его слова зазвучали как величайшее искушение. — Его меч и корона... они сделают тебя правителем не просто Союза, а всех земель. Ты вернёшь себе всё и приумножишь.

— Предельно понятно, — прошептал Алрих, и в его глазах вспыхнул огонь фанатичной решимости.

— Тогда подпиши, — просто сказал друг.

Прямо в воздухе перед королем материализовался свиток пергамента, испещрённый странными письменами. Он упал на стол вместе с пером. Не читая, Алрих подмахнул его своим именем. В ту же секунду договор вспыхнул синим, холодным пламенем и обратился в пепел. По залу пронзительно прошёл ледяной ветер, задувший последние угли в камине.

Друг исчез так же незаметно, как и появился, оставив Алриха наедине с мраком и ново-рождённой в его сердце тьмой

Глава 15: Основы общества Орков

Со стороны, для путника, застигнутого в степи под свист оркских стрел или на рынке рабов под их хриплые голоса, орки кажутся простыми и жестокими созданиями. Грубая сила, примитивная ярость, зеленоватая кожа да кривые клыки — чего уж там мудрствовать. Но реальность, как водится, сложнее. Куда сложнее.

Их физиология — это не пародия на человека, а продукт иной эволюционной ветви. Зелёный оттенок кожи — не грязь, а сложный пигмент, отличная маскировка в горных лесах и болотах, а также признак эффективного метаболизма, позволяющего усваивать пищу, от которой человек отравился бы насмерть. Выступающие нижние клыки — не для устрашения, а инструмент, наследство всеядных падальщиков-предков, до сих пор используемый для разрывания мяса, снятия коры с деревьев и как универсальное «третье руку». Их мускулатура не просто мощнее — она плотнее, с иным соотношением быстрых и медленных волокон, что даёт взрывную силу в ущерб человеческой выносливости. Уши, заострённые, но не столь изящные, как у эльфов, улавливают низкочастотные вибрации — топот стада за милю или подземный грохот обвала.

И самое главное — они не лишены интеллекта. Просто их мышление иное. Оно конкретно, ситуативно и практично. Абстракции вроде «справедливости», «чести» или «высшего блага» им чужды, если их нельзя потрогать, съесть или применить в ближайшей драке. Эта прагматичность, высеченная в сознании поколений борьбой за выживание в самых суровых землях, наложила отпечаток на всю их культуру, делая её одновременно простой для понимания и невероятно чужой для постороннего.

Краеугольный камень. Закон, на котором зиждется их общество, древнее самых старых оркских менгиров: «Сила — это право. Право — это сила». Это не оправдание тирании, а базовый принцип выживания. В мире, где каждый день — борьба с голодом, хищниками и соседним кланом, тот, кто сильнее физически, умнее тактически или хитрее, ведёт сородичей к пище и безопасности. Он получает право первому выбрать кусок мяса, лучшую шкуру, место у огня. И ответственность за всех остальных. Большинство оркских вождей и старейшин отлично понимает, что в мире городов, торговли и сложных союзов слепое следование этому принципу устарело и создаёт больше проблем, чем решает. Но менять устои, проверенные тысячелетиями, — дело опасное. Зачем ломать старую, надёжную стену, если можно просто проломить в ней дыру для текущих нужд? На фундаментальные реформы у орков хронически не хватает гхорна — внутреннего импульса, сочетающего мотивацию, ресурсы и отсутствие более насущных угроз. Проще говоря, пока не припечёт по-настоящему, менять не будут.

Кухня, от которой стынет кровь. Оркская кулинария — это не гастрономия, а продолжение охоты и алхимии. Мало кому другому пришло бы в голову, что жареный ёж, обмазанный горным мёдом и толчёными горькими орехами, — это деликатес, где иглы, обуглившись, создают хрустящую корочку, а мёд смягчает дикий привкус мяса. Но визитная карточка их кухни — кровавый мёд. Орки разводят на своих высокогорных пасеках особых пчёл-кровососов (Сангуис Апис). Эти существа, размером с фалангу пальца, охотятся на мелких грызунов, ящериц и птиц, высасывая их кровь. Из неё, смешанной с особыми ферментами, они и производят мёд. Продукт получается густым, почти чёрным, с алым отливом на свету, и обладает резким, железистым, металлическим вкусом с долгим, тёплым послевкусием. Для орков это и лакомство, и ритуальная пища, и, по слухам, компонент для некоторых запретных зелий. Для неподготовленного желудка — верный путь к мучительной смерти.

Жёсткие рамки бытия. Общество орков построено на железном патриархате, но его суть часто понимают превратно. Это не просто «мужчины главные». Это жёсткое разделение ролей, продиктованное, по их мнению, самой природой. Путь воина, охотника, вождя, короля, алхи-

мика (работающего с ядами, кислотами и взрывчатыми веществами), а также мастера по работе с костью и кожей — исключительно мужская прерогатива. Женщине-орку на этих стезях не место. Но и быть просто «хранительницей очага» — тоже. Их удел — стратегия клана (да, женщины часто являются тайными советницами вождей), дипломатия (где требуется холодный расчёт, а не грубая сила), медицина (основанная на травах и хирургии), разведение тех самых пчел-вампилов и управление сложной внутривидовой иерархией. Попытка женщины взять в руки боевой топор или открыто возглавить набег — страшное табу. Но ещё страшнее — для женщины проявить то, что люди называли бы «злом»: немотивированную жестокость, вероломство, жажду разрушения ради разрушения. Это считается болезнью души, «порчей черепа», угрозой для всего клана. Наказание — «очищение огнём» (Гхрум-Тар). Ритуальное сожжение не как казнь, а как способ изгнать скверну и вернуть дух женщины в цикл предков незапятнанным.

Мужчины также скованы цепями традиции. Занятия, считающиеся «слабыми» или «искажающими природную суть» — портняжное дело (шитьё, не связанное с доспехами), жречество (поклонение абстрактным богам, а не духам предков и мест), уборка, готовка (кроме ритуальной и походной) или агрономия (вместо охоты и собирательства) — вызывают всеобщее презрение и ведут к потере статуса. Такой мужчина становится груб-нах — «пустой рукой», изгоем.

Военное дело: практичность превыше всего. В бою орки ценят эффективность, а не эстетику. Мечи они не жалуют, считая их оружием для дуэлей, позёров и тех, у кого слишком много времени на заточку. Их выбор — луки (короткие, мощные композитные, бьющие с чудовищной силой на близкой и средней дистанции) и ударно-дробящее оружие. Топоры — как одноручные, так и двуручные секиры — популярны среди знати и опытных бойцов. Но истинная любовь простого оркского воина — булава. Простая, страшная, не требующая заточки, сокрушающая кости сквозь самые лучшие доспехи. Женщинам позволено носить лишь кинжалы — и то не как оружие нападения, а как инструмент для бытовых нужд и последней, отчаянной обороны.

Доспехи: кость против стали. Вопреки логике соседних народов, орки предпочитают делать свои доспехи не из металла, а из костей. Кости пещерных медведей, горных троллей, гигантских рептилий и даже... поверженных достойных врагов. Это не варварство. Это философия. Кость легче стали, при правильной обработке (вымачивании в кислотах и смолах) не уступает ей в прочности, а главное — она, по мнению орков, хранит силу побеждённого существа. Носить его кости — значит присвоить его мощь, обрести его устойчивость или ловкость. Люди шепчут, что за это кощунственное отношение к останкам орков проклял сам Платинум, низший бог кузнецов и огня, лишив их дара к металлургии. Орки в эти суеверия не верят. У них просто никогда не было потребности в глубоком освоении металла: кость и камень всегда были под рукой, эффективны и... одушевлены в их картине мира. Но странный факт остаётся: ни в одном оркском пантеоне, среди духов гор, ветра, крови и предков, действительно нет места божеству кузнечного дела. Как будто эта ниша в их коллективном сознании намеренно, или по забывчивости самой судьбы, осталась пустой.

Глава 16: Хорошие связи

Дни в Штормграде растягивались в ожидании. Время, которое они надеялись провести в активных сборах, проходило в томительном бездействии. Веспер и Грегор ютились в крохотной, сырой комнатухе на окраине города, слушая, как ветер завывает в щелях между бревнами. Новость от Каирота о том, что слиток может быть найден, горела в них единственной надеждой, но путь к морю был заблокирован невидимыми силами бюрократии и снабжения. Каждый день Грегор уходил в порт, чтобы торопить снаряжение корабля, и каждый день возвращался с одним и тем же ответом: «Завтра, капитан, завтра. Ждём поставки смолы. Ждём провианта. Ждём разрешения от управителя».

Ничто не предвещало беды. Вернее, та беда, что пришла, была столь масштабна и абстрактна, что не могла предвещаться бытовыми приметами. Она пришла вместе с Каиротом, ворвавшимся в их конуру на закате, когда сумерки уже окрашивали снег в синие тона. Он не постучал. Он вломился, сбив хлипкую засовку, его грузная фигура заполнила дверной проем. Он был без доспехов, в простой походной куртке, запыхавшийся, и на его обычно невозмутимом лице читался шок, граничащий с паникой.

— Всё пропало, — выдохнул он, прежде чем они успели что-то спросить. — Нордленд вышел из Чернокаменного союза.

В комнате повисла гробовая тишина. Грегор, чистивший у огня свои белые кинжалы, замер. Веспер поднял голову от книги И'скрама, которую пытался читать, не понимая и половины символов.

— Еб... — начал Грегор, но мысль явно опережала способность её выразить.

— Но как это произошло?! — поспешно перебил его Веспер, вскочив. Политика была ему далека, но слова «вышел из союза» звучали как скрежет разрываемых цепей. Цепей, которые он наивно считали нерушимыми.

Каирот махнул рукой, смахивая со лба пот, смешанный с талым снегом.

— И не только мы! По слухам, за нами потянулись провинции Дезертсейт и Пантерхолд. Полмира, считай, рвёт старые договоры! Совет гранд-лорда в Стоунстейте, должно быть, сейчас похож на разворошённый муравейник.

— Пи... — снова попытался начать Грегор, сжимая рукоять кинжала так, что костяшки побелели.

— Зачем?! — вновь вклинился Веспер, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Его путь, его миссия — всё это было построено на хрупком мире, о котором он даже не задумывался. — Что случилось?

— Сам не знаю! — Каирот с раздражением провёл рукой по лицу. — Какие-то интриги при дворе Алриха, давление, угрозы... Знаю только одно: приказ спущен. Все границы — на замке. Весь импортный товар — под запретом. Военные корабли стягиваются к нашим портам. Порт здесь, в Штормграде, закрыт. Нордленд готовится не к экспедиции, а к войне. К войне с теми, с кем ещё вчера делил хлеб и соль.

От этих слов в комнате стало физически холоднее. Веспер посмотрел на Грегора. Ветеран сидел неподвижно, его лицо было каменным. Вся их затея, весь этот безумный квест за Святой Броней, разбивался о реальность государственных переговоров и военных приказов.

— Значит... слитка не будет? — тихо спросил Веспер, и голос его прозвучал потерянно, по-детски.

Каирот резко выдохнул, словно собираясь с мыслями.

— Будет. Только не отсюда. Ближайший порт, куда я ещё могу вас как-то отправить, не вызвав подозрений у новой пограничной стражи... находится в Элфтенхолде.

— Постой, — Грегор наконец обрёл дар речи. Он медленно поднялся, и его тень заплескала на стене от огня в камине. — У меня к тебе вопрос: что ты сегодня курил, Кай? Или тебя по голове стукнули? Какой ещё «Элфтенхолд»? Такой провинции на карте Родеры нет и не было!

— Теперь есть, — Каирот говорил быстро, отрывисто, словно зачитывал донесение. — Это не официальное название, так их земли меж собой называют. Объединённые кланы Лесных Эльфов из Великой Чащи. Они всегда были нейтральны, а сейчас... сейчас, видимо, почуяли возможность. У них есть порты на южном побережье. И у меня там есть... знакомые. Агенты нордлендской разведки, оставшиеся с прежних времён. Туда можно попасть. Но не напрямую. Через моих людей в Вольноземье.

— Вольноземье? — Грегор фыркнул. — Может, ты хотел сказать «Вольные Земли»? Ту самую помойку, где каждый за себя, а закон — это острота твоего клинка?

— Нет. Вольноземье, — Каирот сделал ударение на слитности слова. — король Ролаф. Слышал о таком? Пришёл туда и навёл порядок. Не знаю как, но он объединил тамошних орков и централизовал. Объединил под одной рукой вождя Холга. Теперь там есть города, пусть и из бараков и палаток, но есть. Есть своя, жёсткая, как тамошний булыжник, милиция. Есть правила. Да, они другие. Грубее, проще, циничнее нас. Но они не любят союзы, королей и всю эту возню. И за независимость свою драться будут. Я смогу вас туда провести, ведь официальные границы теперь для вас закрыты. У меня там... контрабандисты. Надёжные.

Грегор долго смотрел на него, переваривая информацию. Его взгляд скользнул по карте, начертанной теперь лишь в его воображении: Нордленд, отрезанный; Вольные Земли, ставшие Вольноземьем; эльфийские порты.

— М-да, — наконец произнёс он, и в этом звуке была вся горечь солдата, видевшего, как рушатся миры, которые он когда-то защищал. — Дожили. Истинная правда жизни в том, что пока ты спишь, кто-то перерисовывает карту.

— Завтра на рассвете, — Каирот говорил уже шепотом, оглядываясь на дверь, — прямо здесь, у этого притона, будет стоять повозка. Выглядеть будет как простая торговая фура, с мукой и солониной. Садитесь в неё. Не задавайте вопросов вознице. Просто лягте на дно и не шевелитесь. Он доставит вас на склад в приграничной зоне эВольноземья. Там вас встретят и объяснят остальную часть маршрута до эльфов. И вот... — он сунул руку за пазуху и вытащил не толстый фолиант, а небольшую, потрёпанную записную книжку в кожаном переплёте. — Вся информация, что удалось собрать. Координаты, приметы места, легенды моряков... Всё, что знаем о Слитке Морских Глубин.

Он протянул книжку Веспери. Тот взял её. Страницы были шершавыми, испещрёнными сжатыми, неразборчивыми почерками разных людей, схематичными рисунками волн и скал. Это был не ключ, а намёк. Улика.

Каирот кивнул, уже отступая к двери.

— Удачи. Вы её чертовски заслуживаете. И... постарайтесь не получить стрелу в спину. Ни от кого.

Он исчез так же стремительно, как и появился, растворившись в синих сумерках. Веспер и Грегор остались стоять посреди убогой комнаты, оглушённые грохотом рушащегося мира. Новость о выходе из союза была слишком огромной, чтобы осознать её сразу. Она висела в воздухе абстрактной угрозой. А вот маленькая, потрёпанная книжка в руках Веспера и маршрут через запретные земли были конкретны. Это была новая нить в лабиринте.

Переночевав в ту же ночь не столько от сна, сколько от нервного изнеможения, они на рассвете вышли к указанному месту. Повозка уже ждала. Она и правда была невзрачной: потрёпанная кибитка на двух колесах, запряжённая одной устало смотрящей лошадью. Но возница...

Возница был одет во всё чёрное: простой чёрный кафтан, чёрные штаны, чёрная шляпа с низкими полями, надвинутая на глаза. Он не курил, не двигался, просто сидел на облучке, сливаясь с тенью стены. Его лицо было скрыто, но в позе чувствовалась напряжённая готовность.

Грегор, бросив профессиональный взгляд вокруг, кивнул Веспери и направился к повозке. Веспер последовал за ним, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Не дожидаясь вопросов, возница произнёс голосом, лишённым всяких интонаций, глухим и быстрым:

— Это вы те двое, кому в Вольноземье?

— Да, — коротко бросил Грегор, останавливаясь. — Это мы.

— Хорошо. Залезайте в кибитку. В углу — мешки с паклей. Разгребите их, лягте на дно, накройтесь сверху. Не кашляйте, не чихайте, не шевелитесь, пока я не скажу. Понятно?

Они молча кивнули. Церемоний не было. Они залезли в тёмный, пропахший пылью, кожей и ещё чем-то химически-горьким короб кибитки, отодвинули грубые, колючие мешки и улеглись на холодные дощатые полы лицом вниз. Сверху на них снова свалили мешки. Свет

исчез, остался лишь узкий просвет у пола и тот горький запах. Повозка дёрнулась с места и покатила, подпрыгивая на неровностях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.